

История испанской литературы в XVII ст.

одушевление, гордость, внушаемая принадлежностью к государству, в котором никогда не заходило солнце, и к стране, которая обладала исключительной привилегией католического правоборья — все это не допускало в испанцах сознания нарушенных чести и чужака. И поэтому не удивительно, что раскопанные цезари испанской поэзии и искусства явились как раз в то время, когда начинала блекнуть слава испанского народа; развивалась лирика, эпика (романь) и драматика (драма).

Испанская лирика, которая в течение всего XVI века находилась под влиянием итальянской, в золотой период, в период расцвета, с конца сказанного столетия, не проявила особенной самостоятельности. Фернандо де Эррера¹⁾ из Севильи (1524—1591), один из лучших испанских лириков, приобрел большую славу своими канцонами (именно на бой при Лепанто и на смерть короля Себастьяна Португальского). Автор романов Висенге Репинель (о котором рече будешь впоследствии) выдавался и как лирик, при этом воспроизводил поэзию саро-кастильскую и итальянскую поэзию. Это же можно сказать про Лопеса Колменара, Рюха, Хуана де-ла-Крус, Мануэля де-Виллегаса и графа Бернардино де-Ребонса (1597—1690), который, в качестве испанского посла,

Лирика.

¹⁾ Fernando de Herrera

при заключении Вестфальского мира, жил в Дании и при дворе шведской королевы Христины, и издал свои стихотворения в Кельне и Копенгагене. Особенно, когда весьма не утешительное направление дала лирика Луис де-Тонгора у Арготе¹⁾ из Кордовы (1561-1627). Он изобрел „estilo culto“ (официальный стиль), напыщенный, вздутый и аффектированный поэтический язык, переполненный высокопарными образами и гиперболескими сравнениями, что, само собою разумеется, возрождало благоприязненный прием в придворной и ученой кружке.

Романь.

Почти относительно романа можно сказать, что почти все испанские романы конца XVI и всего XVII столетия следовали по пробной методой Лопеса²⁾ дорожке, продолжая далее разрабатывать „плутовский роман“ (roman picaresque) — жанр, представившийся особенно благодарным для литературных талантов, по своей естественности ему несущий положения и разнообразию характеров. Кроме того, много писалось тогда и язык особого рода сатирических романов, которые в форме фразы или стовидовой вводки гика, давая в разнообразная отношения национальной испанской жизни. Французски-религиозное направление сказывалось, конечно, слабее у подобного рода писателей, при чем изображение явлений жизни

1) Luis de Gongora y Argote

2) Алфонсо Лопес или „El Relayo del Pinciano“.

охлаждались и лишь больше добродушиемъ и сердечностью;
но звать не меньше и они не могли отрываться отъ
кастолическаго духа въ своихъ произведеніяхъ.

Здѣсь принадлежать уже упомянутой Висенте Рейн,
мелс (1550—1630), лирическій поэтъ и авторъ полного эпиз,
имъ и связисси плуровскаго романа „Оруженосецъ Мар,
кошъ Обрегонъ“; Франсиско Томель де-Кеведо-и-Виллегасъ
(Francisco Gomez de Quevedo y Villegas, 1580—1645) со сво,
имъ романомъ „Медорія и жизни великаго плура Пабла
Селовійскаго“ — произведеніемъ, черезчуръ изобилующимъ
всякаго рода пошеническими продолженіями и пош,
пошеними; заглавъ Луисъ Велезъ де-Тевара (Luis Velez
de Quevedo, около 1640 г.), „Храмой божь“ козорого пош,
имъ общию извѣстности, особенно въ позднѣйшемъ
подразнаніи француза Лесаона; и, наконецъ, Фран,
сиско Сангосъ (ок. 1670), написавшій рассказы „Денъ
и Носъ въ Мадридѣ“ и „Червошница“.

Наконецъ испанская драма, которую мы любимъ здѣсь Драма.
особенно занимать. Событвенно центральною пункто
испанской литературы въ XVII столѣтіи составляла исклю,
чительно драматическая поэзія, въ сравненіи съ которою
все другія формы поэзіи и литературы играли роль
подчиненную. Блеснущій періодъ испанской драмы
продлируется отъ конца XVI до конца XVII столѣтія. Васи,
пѣшиму пошъ драматической поэзіи создавала комедія.

Со времени Лопе де Веги стали называть таковое сценическое произведение въ 3-хъ актахъ или хорнадахъ (хорнадахъ ъютада), писанными обыкновенно стихами. Здѣсь надо совершенно отрывнуться отъ унаследованнаго нами отъ древнихъ понатія комедии въ смыслѣ прозы, воположительно съ трагедій. Испанская комедія есть такой родъ драматической поэзии, которая исключаетъ эту прозаическую часть, совмѣщая въ себѣ отличія трагической и другой. Это послѣднее понятие произойти не иначе какъ посредствомъ взаимнопроникновенія обоихъ элементовъ и ободнаго имъ сліянія, такъ что въ результатѣ образуется романтическая драма, которая не можетъ называться ни комедіей, ни трагедіей, но соединяетъ ту и другую въ одно особое цѣлое; при этомъ, разумеется, можетъ имѣть преобладаніе одна или другая изъ составившихъ частей, и тогда мы имѣемъ передъ собою пасту, которая подобно можетъ называться трагедіей или комедіей, хотя въ испанскомъ смыслѣ она не перестанетъ быть Comedia.¹⁾

Менее ясный источникъ для безчисленныхъ драматическихъ завязокъ представляли безпрестанно случавшіеся въ жизни конфликты испанской сцены съ пресловутыми испанскими понатіями о геези. Пасты драмы основаны единственно на этомъ; не малое количество драмы также выдвигаютъ на первый планъ ре.

1) См. F. A. von Schack, Geschichte der dramatischen Kunst und Literatur in Spanien.

многозначной проблемы со шкв элементом чудесного, огра-
ничивается объективно при зрель передачей общаго ко-
лорита и основного душевнаго настроенія, но не оука-
зывается въ то же время и оуе наиболѣе популярныя
и позолну всегда досудлающаго зорфекта мюживовъ. По
своему характеру испанская комедія вполне соудвотъ,
судовала характеру народа, будучи въ сущности аристок-
ратическою, хотя не въ смысле позднейшей француз-
ской драмы, прионававшей мимъ королей и силстивъ мѣра
за истинно-трагическые героевъ; аристократизмъ ея за-
ключался въ томъ, что она приписывала поназидъ геси
и мѣтнаго досудовсудва, гудбока гудсудва, силстива сураси
и силу воли исключительно благородныя мизарь, об-
его пола, представляя въ тродивоположенныя душевныя
качсудва ласкель, горничныя и вообще мюдыя низ,
каго происходисудивъ. Драма эра тереносима испанскія
воззрѣнія на вель сусудери, за какіе зомско ни приходи-
лось ей драгсуд, причель она всегда оуличалась поради,
зельной мюзкоудсто въ оудрисовкѣ характеровъ.

Къ концу XVI столѣтія на испанской сценѣ вѣррь,
гаудель самыя разнообразныя виды драмы: и миссудерія, ко-
зорид срабдудель въ дни бонстивъ праздниковъ, и комедія
,млаца и мпаги, вѣдудид свое происходисудиве оуе Ппор,
реса Нахарро, и лотноклассическія зрагедія, вѣросудивъ
на мюговъ мзудудивъ зрагедія Сепеки, и понырки историчъ,

1) Подобно зрагедьямъ вельхъ народовъ вѣрронъ, и испанскія зрагедья мѣтсудель реладіонное
происходисудиве: оуе возникоу мур казолмисскаго мюдгудъ. Древнейшимъ вѣдавъ мс,
панской драмы была миссудерія (Анто), мѣтсудива, кака и въ оудельной вѣрронѣ, два
цикла — родисудсудвенскій и насладсудивъ,

чешской трагедии (, Мухоморыя Сервантеса), и народныя фарсы въ родѣ интермедій Лопе де Вуды, и, наконецъ, всея изъ обиденной жизни, въ козорыя дѣйствующя предсавы, зели различныхъ классовъ испанскаго общества. Все это разнообразіе всея потерь быдъ подведено подъ двѣ кафы, рин: къ первой относаведъ всея, правильно построенныя, но лишеныя драматическаго двисенія, ко второй — всея, богатая и содержаніемъ, и драматическимъ двисеніемъ, но лишеныя единства и внутренняго ценура. Словомъ, все было готово къ похвменію художника, козорый дол, жемъ быдъ придадъ художественную организацию зривъ хаотическимъ элементамъ драмы, создадъ изъ нихъ гар, моническое цѣлое. Такиа художникомъ быдъ

Лопе де Вега (1562—1635).

Какъ ни была велика Сервантесъ, гений, созданный испанской націей, но его соперникъ Лопе де Вега далеко превзошелъ его въ современной популярности и до сихъ еще три жизни своей и Сервантеса закой славы, какой не достигалъ ни одинъ испанецъ и какого похвова, мисъ не много знаменитые люди и въ другихъ странахъ, напр. Волгерь во Франціи въ XVIII столѣтіи. Лопе де Вега былъ содввенно основателемъ новой испанской драмы, которая процвѣтала въ зеченіе цѣлаго столѣтія,

Фид, начинав съ послѣдняго десятилѣтія XVI вѣка, мало того, зривъ великій писатель (или гений) заслуживающа, оказавша, нѣтъ почти всея оффривающа національной мидературн.

Лопе де Вега (или Лопе Felix de Vega Carpio) родился

1) Вега (португалск. veiga, озъ арабск. bakāh, низменность) или, добивая равнина.

25 ноября 1562 г. в Мадридъ, куда отецъ его переселился случайно, изъ наследственнаго своего замка Вега, находящагося въ живописной долине Карриедской.¹⁾ Долина, именуемая Карриедо, нинче самъ Лопе, „находится въ извѣстномъ урлкъ славной горной Касуилии. Некогда вся Испанія состояла изъ одной Касуилии; ей она обязана своимъ происхожденіемъ, но это полуды родится лавромъ и пономъ превращается въ просой кудрарникъ? мой отецъ былъ родомъ изъ миссуеци Вега: закъ благо родство возносите бѣдныи! За нимъ слѣдовала до Мадрида, ослѣпленная ревностю, его влюбленная жена, испанская влена. Тамъ они сошлись снова и въ зворъ день положили основной камень моего существованія. М закъ я былъ плодомъ ревностю или лучше скажете — переверивъ ревнивой фантазій. Каково происхожденіе! Согласитесь, что быть обязаннаи своимъ бытіемъ такой привилегіи — не последнее чудо.“

Съ самыхъ раннихъ лозъ Лопе обнаруживались необыкновенныи умственные способности, но нзому году (какъ сообщаетъ его другъ Монзалванъ) не долго лозъ игралъ по-лазани съ одинаковымъ легкостью, какъ и по-испански, но при зворъ означался фактои любовью къ поэзій, то дѣлился своимъ завракомъ съ товарищами, лишь бы они записывали то, что онъ диктовалъ имъ, пока самъ научился писать. Отецъ его былъ также поэтъ и посвятилъ

1) въ Галиціи.

осчастливилъ дней своихъ дѣлать благозвученности или много, сердцѣ. Лопе былъ еще ребенкомъ, когда отецъ умеръ, оста-
вивъ еще одного сына, погибшаго въ 1577 г. въ экспедиціи
неподвижной Армады, и догъ, королева умерла въ 1601 году.
Послѣ смерти отца Лопе де Веге, семейства его зоркого
бодливости, и въ зрѣніе этого времени своей жизни юный
Лопе шилъ въ домъ своего дяди, инквизитора Донъ-Ма-
нуэля де Карнио, о которомъ онъ впоследствии упоминаетъ,
съ сѣ большими убавленіями.

Не смотря, однакожь, на разуройство домашнихъ
обстоятельствъ, Лопе получилъ самое заботливое воспитаніе.
Онъ былъ помѣщенъ въ мадридскую королевскую
гимназію, и во время своего двухлѣтняго пребыванія
въ этомъ заведеніи сдѣлалъ необыкновенныя успѣхи
въ эдиктѣ и издичной словесности, но уклонился съ
заидіей мадемазическихими науками, какъ не согласно,
вавиллился его вкусомъ. Фрехованіе, французъ и музыка
довершили его воспитаніе, и во вѣхъ эдиктѣ искусствъ
онъ достигъ такого совершенства, какого не достигалъ
никогда изъ воспитанниковъ коллегии. Героизмадари
мать съ роду онъ, ^{болѣе} охваченъ непреодолимыми желаніями
видѣть свѣтъ, и въ сопровожденіи одного изъ своихъ зо-
вариней, бѣжалъ изъ школы. Два или три дня мол-
же неказали приключеній или тѣшкоть, позовъ
купили себѣ какую-то клячу и достигли верховъ Асторы,

въ сѣверо-западной части Испаніи, откуда недалеко было до стариннаго помѣстья фракилин де Веги; но тамъ они поучувствовали такую ужасную оръ пудешесвію и не, обходимость въ иудейскихъ удобствѣхъ, безъ которыхъ имъ сперва казалось какъ легко обойдется, что портышми возвразидся доной. Въ Сеговиѣ они хотѣли продать одному ювелиру золотую цѣпь и разбить нѣсколько дублоновъ на мелкія деньги, но возбудили подозрѣніе въ воровъ, съѣтъ и были арестованы. Судья, къ королю ихъ озвели, не найдя въ нихъ другаго преступленія, кромѣ малости, освободилъ ихъ, но оналя оказала услугу какъ роднымъ юныхъ шалуновъ, какъ и имъ самимъ, поручилъ поли, цейскому офицеру доставитъ ихъ въ Мадридъ.

Тызнадцати лѣтъ оръ роду Лопе учасвовалъ въ войнѣ съ Португальцами на островѣ Терсейръ, какъ объ этомъ упоминаеть самъ въ одномъ срихозварномъ писемѣ, вскоре послѣ этого мы находимъ его въ какой-то должности при осодѣ Херонимо Матрико, епископѣ Авилейскомъ, добродушно короляго, по содѣвительному показанію, былъ обдзанъ многими. Въ гезѣ этого епископа Лопе напи, самъ въ послѣдствіи нѣсколко зкловъ и, сверхъ того, нѣсколко сраницъ въ своей поэмі. "Герусалимъ". По прозеціи епископа, онъ былъ посланъ въ Алкаль, скій университетъ, гдѣ онъ учился нѣсколорое время, получилъ сценет баккалавра, но едва не падѣлъ свѣщенъ,

нической рдсы. Сдѣлавъ эзювь невозвратный шагъ по,
 мьшала зомско любовь его къ одной дѣвчнкѣ, которая
 однако вышла замужъ за другого, изнуливъ поэта
 зоскою, ревностю и досадою. Обездѣльсхва эзювь любви
 описаны въ его драматическомъ романѣ „Дорожень“. Путь
 разсказъ о томъ, какъ оны плакалъ съ Марфорзой въ темъ,
 когда она должна была навѣки соединиться съ другимъ,
 дншезь удивительной мизантронной правдой.

Изь Албскалы Лопе де Вега перешахъ въ Мадридъ
 и посудилъ секретаремъ къ герцогу Албды, но не къ не,
 szokому фавориту Филиппа II (какъ нозе полагали), а къ
 его внуку Антонио Албды, наследнику венель болазель
 своего дѣда, но не унаслѣдовавшему его чинаского ха,
 раждера. Лопе де Вега жилъ съ герцогомъ при дворѣ и
 послѣдовалъ за нимъ въ деревенское уединеніе, въ за,
 мокъ Албду (Alba), гдѣ больше занимался науками
 и литературою, гдѣ войной и полнужикой.

Около эзого времени Лопе де Вега женился на Иза,
 Белль де Урбнма, дочери придворнаго герольдмейстера,
 особъ пользовавшейся большими уваженіемъ въ высъ,
 шель кругу общесхва, къ которому она принадлежала.
 Но его семейное счастье было непродолжительно. Оны
 поссорился съ однимъ гндамго (дворяниномъ) весьма
 сомнительной репутацин, осмѣялъ его въ сатирическихъ
 суждзвореніи, былъ вызванъ на дуэль, раниль его и

за это посажен был в тюрьму. Но в несчастии Лопе де Вега не остался без искренного друга. Клаудио Конде, который не раз выказал искреннюю преданность ему, добровольно разделил его заключение и, выслушав определенный срок, последовал за ним в изгнание в Валенсия, где поэт был окружен любовью и уважением. Хотя по временам подвергался заключению в тюрьму, как и все президе в Мадрид.

Ссылка Лопе де Веги продолжалась несколько лет, и все это время он провел в Валенсии, самовольно изгнанным из города Менахин послы Мадрида. Во время своего пребывания в Валенсии он подружился с Таспа, роке де Анхильроке и Тилсеттоке де Касеро; друзья эти имели огромное влияние во многих его произведениях. Поэт жил в Валенсии, только это написавший вيرا, давая художественную форму, был многим обязан таланту Лопе де Веги, сообщившему ему направление, от которого козорок он сохранил навсегда. Наш поэт был на дружеской ноге с валенсийскими писателями и последние являлись несколько позднее в числе его видных подражателей в области драмы. Но, несмотря на общую любовь, на дружбу и на литературную связь в Валенсии, ссылка была для Веги все-таки несколько, и он радостно возвратился в Мадрид при первой возможности.

1) Это два драматурга, из козороких первый жил около 1623 года, а второй умер в 1631 г.

Между женою его домашняя жизнь измѣнилась. Его же, когда жена умерла меньше чѣмъ черезъ годъ послѣ его возвращенія. Изъ множества его сужихъвореній видно, что она мучилась ревностью, козоручю отъ го опревергалъ, го оправдывалъ; когда ея не стало, займалъ сурасъ де Велкъ ея соперница обнаружилась ясно; но въ то же время поэтъ былъ озвернуть гордою красавицей, и сужихъвореній его показывалось, въ какомъ отъ были отпадшии. Это же чѣмъ нибудь наполнилъ своего энтузиазма де Вела кри. Добычу же теперь къ испано-испанскому способу разсѣянья скуки, и некто посудило въ военную службу.

Это случилось во время старания Филипповъ II своей Менюбодной Армады съ целью одолѣть ударомъ сокрушающаго могущества Елизаветы и возбудить средиземную Америку въ лоно католической церкви. Видя, что дама сердца глупа къ его молбамъ, Лопе де Вела взвалилъ свои мушкетъ на плечо и, одушевляемый общими энтузиазмомъ, въ сопровожденіи своего вѣрнаго друга Конде, отправился въ Лиссабонъ и вернулъ солдатомъ въ Армаду, на кораблѣ Св. Иоаннъ, и многощій охотился въ Америку. По дорогѣ задѣлъ отъ зарѣвъ своего мушкетера сужихъвореніемъ, написаннымъ въ честь энсезокой красавицы.

Но цѣлый рядъ бедствій следовало зажить. Бразъ его, съ козоручью отъ долго не видался и козоручій слушалъ

лейденанголь на зовъ еще корабль (Св. Иоаннъ), умеръ на его рукахъ отъ раны, полученной въ сраженіи съ голландцами. Буря разсыпала неподвижный флотъ; Лопе де Вега подвергся на морѣ вѣтвѣмъ ужасамъ несчастнаго боя и кораблекрушенія, и дальнѣе былъ спасенъ себя самъ, когда по истребленіи Армады, послѣ долгихъ нравственныхъ и физическихъ страданій, ему удалось прибиться здоровымъ и невредимымъ сначала въ Кадиксъ, а потомъ въ Толедо и Мадридъ (около 1590 года). Заключаясь, но для характеристики де Вегы за его подвѣдечье, что въ этой несчастной экспедиціи отъ него имѣлось большой запасъ досуга и спокойствія духа, тогда написалъ большую часть своей обширной поэмы „Красота Ангелики (иначе Индики), которую задумалъ, какъ продолженіе Кристофера Колумбаго Роланда (Orlando Furioso).

По возвращеніи домой Лопе сдѣлался секретаремъ, сперва у маркиза Мальгики, потомъ у маркиза де Сарриа, который впоследствии, получивъ званіе графа Лемоса, сдѣлался покровителемъ Сервантеса и Арменсонн. Сослуживъ на службѣ у маркиза де Сарриа — графа Лемоса и сдѣлавшись уже извѣстнымъ драматургомъ, Лопе де Вега вступилъ въ званіе Хуану де Тардио (Турдио), особу хорошей фамиліи въ Мадридѣ, и женился на ней въ 1597 г. Между покровителями нашъ поэтъ не имѣлъ другихъ, кромѣ зятя, который привлекала къ нему его литературная

извѣстности. Такимъ напр. были герцоги де Сесса.

Послѣ женитьбы поэтъ, повидимому, въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ мирно наслаждался супружескимъ счастьемъ, которое онъ описалъ съ большимъ изумещеніемъ и граціей въ своихъ двухъ поэтическихъ посланіяхъ (эпистолѣ къ доктору Матіасу де Россасу и эпистолѣ къ Амаргилісѣ). Но это счастье было не продолжительнымъ. Домашнее спокойствіе поэта было скоро опять нарушено. Его любимѣйшая дочь Карлота умерла, недозрѣвши семи лѣтъ, вслѣдствіе за ней умерла и мать, при рожденіи догерцогини Фрелисианы, вѣнчанной впоследствии замужемъ за донъ Луиса де Усагерви, издавляя посмертнымъ произведеніемъ своего гения. Эта двойная потеря горько оговаривалась въ сѣрдцѣ поэта. Онъ разсказывалъ объ этихъ несчастіяхъ съ горькими рыданіями, въ поэму, обращенной къ брату, другу его, Гонде. Но въ 1652. у него родилась подобная дочь Марсела, которой онъ въ 1620г. посвятилъ одну изъ своихъ драмъ, *El Remedio de la Dedicada* (утѣшеніе въ несчастіи) съ плачевными выраженіями въ возгнѣніи и утѣшеніи, но которая въ слѣдующемъ (1521) году пострадала въ монахини, что причинило большое горе оцу. Однако онъ перенесъ эту свою потерю въ силу своихъ религиозныхъ убѣжденій, не зрѣяко съ зѣриемъ, но даже съ якозорой гордостью. Въ 1662. донья Марія де Луканъ (Луксанъ), мать Марселлы, родила

ему сына, козорого онъ называлъ своимъ именемъ (Лопе) и козорый на четырнадцатомъ году написалъ стихи на канонизацию св. Мендора. Не смотря на желание отца образоваться изъ него писателя, юнгома нахрюль, тогда его отпустили въ военную службу. Онъ сражался подъ нагальсбургомъ маркиза де Санжа Креть въ войнѣ противъ Голландцевъ и Турокъ и погибъ влѣтѣ съ своимъ козраблемъ, на шестнадцатомъ или восемнадцатомъ году своей жизни. Отецъ изливъ свою скорбь по сыну въ эплогъ, козоракъ, впрочемъ, не отличающагося закономъ глубинного чувства, какъ его стихотворение на похороны дочери Марсель.¹⁾

Досраннымъ поэтъ, въ козоракъ волнение крови урриаеца, поэтъ начинаеца, согласно съ духомъ своей нации и своего времени, обращаетъ мысли къ религии. Подобно своему отцу онъ посвящаетъ себя дѣламъ благочестія: посещаетъ регулярно богослужения, ежедневно ходитъ въ церковь; онъ веруеца въ свѣтско-религиозную конгрегацию, а въ 1609 г. принимаетъ похороны въ Птоledo и дѣлаеца священникомъ. Въ 1610 г. онъ вступилъ въ ряды этого общества брахува, членомъ козорого внослуживъ соорилъ Сербануеца. Въ 1625 г. онъ дѣлаеца членомъ конгрегации надридскаго духовенства и какъ ревностно исполняеца свои обязанности, что въ 1628 году его назначаютъ главнымъ капелланомъ конгрегации.

Такимъ образомъ, влеченіи двадцати шести послѣднихъ

1) На поэтическомъ союзианіи ^{поэтик.} ^{или поэтик.} (Juntas poéticas), ксало козорый онъ, похрюкъ къ концу XV столѣтія, Лопе похрюкъ первую ^{нахрюкъ} въ июнь 1608 въ Птоledo, а въ сентябрь 1614 онъ дѣлаетъ избранъ судьбою поэтическаго союзианія по слуху барификации св. Мендора въ надридъ, гдѣ произвола дѣлаетъ влеченіе на публику своимъ молодическимъ голосомъ и своей нахрюкою жетидъ стихотвореній.

любя своей жизни, онъ былъ тѣсно связанъ съ испанскою церковью и ежедневно посвящалъ на служеніе ей часть своего времени.

Но тѣсная связь съ церковью въ то время не требовала отреченія отъ міра и его удовольствій. Напротивъ, такая жизнь поигдалась только средствомъ для приобретения себѣ досуга, необходимаго для литературныхъ занятій и жизненнаго комфорта. Лопе де Вега также именно Лопе де Вега и пользовался своимъ духовнымъ званіемъ. Въ этотъ долгій періодъ своей жизни, когда онъ былъ священикомъ и уделялъ часть своего времени на дѣла религіи и милосердія, онъ былъ больше, нежели когда-либо, любимъ и ласкаемъ какъ поэтъ. Это-періодъ его величайшей литературной извѣстности, а это всего удивительнѣе, такъ это то, что къ этому періоду относятся болѣе всего его драмы, въ которыхъ много сценъ, проповѣдующихъ правилахъ христіанской нравственности. Хотя это не мѣшало автору въ заглавіяхъ и посвященіяхъ къ себѣ, являть свой духовный санъ и въ особеннѣе гордиться званіемъ слуги святой инквизиціи (*Familiar del Santo Oficio*).

Но по мѣрѣ того, какъ жизнь Лопе де Вегы подвигалась, приближалась къ концу, религіозное, окрашенное нравственныя францизмомъ, настроеніе все больше и больше овладевало его душой. Это настроеніе выражается,

отражается во ^{многих} множестве его произведений этой эпохи; под конец оно до того усилилось, что поэт почти постоянно находился в состоянии крайней меланхолии, что в те время уже начинают называть ипохондрией. В первых числах августа отъехал с радостным сердцем в президио, погубив себя необходимостью слабости и впадая в страшное уныние, окончиваясь под косившим образом его сил. Тяжелые же мечты, отъезжая дольско о своей судьбе: доведенный до крайнего истощения сил, отъ все еще продолжал посылать, и однажды, неизвестно по какому случаю, такъ немилосердно отбился себя, что на полу его комнаты остались следы крови. Съ этой поры отъ уже больше не поправлялся. Вскоре отъ погубившая приближение смерти и, исполнив все обряды, предписанные церковью — приехал в горы, ко означенной, что не посвящая всей жизни (на один дольско дня ^{богу} втрь, отъ испустил духъ 25 (27) августа 1635 года, на семидесять третьемъ году своей жизни.

Внезапное, произведенное смертью Лопе де Веги, было такъ сильно в современника, какъ это редко бывает даже при позрелости людей, отъ жизни короля зависящая благосостояние всего народа. Третьей/Сесса, его душеприказчикъ, устроил похороны, соорудив гробницу, бывшие соответственно богатырю и саму покойника. Они продолжались целых девять дней. Смерть народа было

было необычайное (. el concurso de gente que acudió a su casa a verle y al entierro fue el mayor que se ha visto).¹⁾

Три епископа и первые сановники государства шли за гробомъ. Со вѣсьмъ споровъ сошлись элоги и поэмы въ невѣроятности множеству. Изъ суживореній, написанныхъ въ одной Меманин, образовался одъепиской языкъ, заключающийся драматической апоэозой поэта. Другой почти такой же великимъ языкъ софавился изъ суживореній, написанныхъ въ Мралин. Суживореній, вадван, пѣнь смердью Лопе де Веги были написаны на языкахъ испанскомъ, латинскомъ, французскомъ, итальянскомъ и португальскомъ. Это было нѣкоторого рода поэтическое созиданіе въ гезе великаго поэта, въ которомъ конкурировали болѣе полузрелые современныя поэты.²⁾

Но зрѣлѣе всего была просьба пѣвико любви мой богери поэта, уже гезвернадкаре пѣзю заворившейся въ монастеръ, котора въ просила, чтобы похоронить процессія прошла мимо ея одиелм и позволила ей взглянуть въ послѣдній разъ на дорогія герои своего великаго оуза, на котора она смозрѣла всегда съ радимъ поженіемъ; однако же зорисеубенные всего были слезы гезей ролпи народа, проводившей людиного тисаель въ его послѣднее жилище.

1) Сл. предисловіе къ „Fama immortal del Fenix de Europa“ Хуана де ла Тенсъ (Madrid, 1635).

2) Ср. „Fama Postuma de Lope de Vega“ Монфальсвана.

Въ жизни этого грезвачаино, сказочно молодого поэта-писателя (онъ написалъ около 2000 исець) можно различать два главныхъ періода, изъ которыхъ I-й предъставляетъ его бурную жизнь, которая съ ^{его} вѣзрѣва продолжалась до 1604 года, а II-й съ его вѣзрѣвлетія въ духовное званіе до его смерти. Это уже — зоръ періодъ жизни, когда удилатозъ срааси, но вѣзрѣтъ съ зѣль это были періодами величайшей (~~драматической~~ ~~дѣдзельности~~) лифразурной извѣзности.

Въ зеченіе своей поэзии вѣзри ладней лифразурной дѣ. дзельности Лоне де Вега писалъ, кромѣ многосмысленныхъ лирическихъ произведеній, — эпическихъ и аллегорическихъ срихозвореній, новеллы, идилліи и необозримое число драмъ, образившее его зворескую продуктивность въ поговорку. Мзакъ можно характеризовать оба періода лифразурной дѣдзельности Лоне де Вега первый — преимущественно лирико-эпическими и второй преимущественно ^{дидактико-}эпико-драматическими.

I-й періодъ (1576—1604).

Лоне де Вега, какъ мы это уже знаемъ изъ его биографіи, означалъ любовь къ поэзии очень рано. Монральванъ, другъ и панегирикъ его, рассказываетъ, что Лоне любилъ сочинять срихи раньше, чѣмъ научился писать и что онъ издупалъ галъ своего завзрака ^{однѣ} изъ своихъ срашнихъ зоварихей, которыхъ записывалъ (за Лоне) его срихозворенія

инпробизаціи? Биографы и паматирисы Лопе свідать эклогы самыи ранниими его произведеніями.²⁾ Изъ его первыхъ драматическихъ опусовъ сохранилось весьма немногое. Какъ уже сказано, оны началъ съ эклогъ и морализе, религиозное направленье козоровъ стискало ему: жертвовать церкви, не замасшиел козороу зрудно было въ гиль-нибудъ цестъ въ Испаніи. Одна изъ та, киль эклогъ, повидимому предназначена для предсравленія и о козороу говоритъ, что она въ самое дьль была поставлена на сцену, помъщена въ французскій Аркадіи, самыи раннелъ изъ печатныхъ произведеній Лопе, о гиль рьтъ будеть вноелъбудъим. Не мало итееъ подобнаго же характера разетьяно по его многочислен, пиль произведеніямъ.

Изъ болъе правильныхъ итееъ Лопе де Веги двъ самыи раннии. Оны принадлежать къ паскушескому роду сои, пеній. Первая изъ нихъ носеть заглавіе El verdadero Juan de (Върнвій Людовикъ); она была написана около 1576 года, когда автору было всего четырнадцать леть; издавая ее въ свьтъ позже въ зреломъ возрастъ, позь ерсефентиль образотъ долженъ былъ много измънеть и исправеть. Содержаніе ея просо. Это исторія паскука. Вдова-паскушка обвинила его въ емерзи своего мужа, зтодъ заставеть его на себъ жениеть; позоу это зонско зриль ерсефотъ оны мовъ освободеть оны

1) См. Монзалвана Тама Postuma. Obras Sueltas. Tom XL, p. 22.

2) М. Ч. музно ознески къ 1582-1583 г.

суда. На зюль вернувся все дѣйствіе драмы, капомина, поцей исторію Суда, съ зюй фолско разницей, што Хибена вхолодуръ за Суда по повелѣнію короля. — Саль Лоне на зюбавуръ эту драму произведеніемъ грубаль, но она отли, гаеться замѣтательного плавноста и гармоніей сзиха.

Второй ранней пьесой Лоне де Вези была La pastorale de Jacinto (пастораль Хасинто)¹⁾. Она написана еще въ то время, когда Лоне создалъ при особѣ епископа Авилскаго, сзало бытъ около 1580 года, но появилась въ печати позже, черезъ тридцать три года или зрид, цуръ селъ муръ сурь. Въ посвященіи поуръ говорить, што эта зрелая пьеса была написана м.ль въ юно, сзи. Въ ней разсказывауръ, какъ одинъ пастуръ возбудилъ въ другомъ ревностъ къ любовницѣ, штобъ зрилъ стосо. Бомъ овладуръ ея сердцемъ. Для зюй цѣли онъ саль раз, опривауръ роль второго Хасинто, котораго будуръ бас мѣ, кренно любить дѣвчушка. Драма не превосходуръ до, сзощиволь предвудуръ, хоуръ орликауръ заклинъ же главными сзихами, ссравляющими досщонуръво. Ло, ме де Вези на всель проявленіи его литературной дѣятельности.

Около того же времени Лоне написалъ драмату, пьеску романъ, Дорожѣ. Въ зюль произведеніи, написанномъ въ поощри и издачонномъ въ сфаросты, авуръ разсказывауръ о себѣ, о своей юной сзраси (Лоне

¹⁾ Она носилъ двойное заглавіе: *La Selva de Albania y el Celoso di si mismo*. Лоне списалъ благосклончонуръ епископа Авилскаго написаннымъ для него эклогами и зюй драмой.

было тогда не больше семнадцати лет), которая засравила
 его бесчестием много. Мракъ это сочинение содержитъ
 въ большей или меньшей ~~мѣрѣ~~ степени факты изъ юно-
 шеской жизни поэта. Значительное количество ошибокъ
 несравнимо собою прозаическую укасъ изложения, оживляющую
 во многихъ мѣстахъ съименство и реалистическую красоту,
 которые бросаютъ свѣтъ на жизнь Лопе де Вега въ периодъ,
 предшествующій его участию въ экспедициіи Мендосидильной
 Армады. Герой романа Фернандо — поэтъ подобно Лопе
 де Вега. Онъ влюблялся не разъ, былъ даже знатенъ
 и подъ конецъ жизни оказывался оръ Дорозем, которую
 любилъ въ юности, и поселялся въ монахи. Все это
 рассказывается въ нѣдѣ длинныхъ актахъ, безъ обдуман-
 наго плана, даже безъ строгой послѣдовательности между
 оцѣтственными сценами. Но сцена между героемъ и
 Дороземъ въ первомъ актѣ, рассказъ о томъ, какъ она
 плакала съ Марфизой въ день, когда она должна была
 навѣки соединиться съ другимъ, и показанія описанія
 въ четвертомъ актѣ, дающія такой значительной правды,
 что едва-ли можно сомнѣваться въ ихъ реальности.
 Взвѣдая въ цѣломъ, мѣста эти впрочемъ засравляютъ
 сомнѣваются, подобно въ юности Лопе де Вега былъ чело-
 вѣкомъ безупречной правдивости и рыцаремъ гести.
 Въ настоящее время "Дороземъ" Лопе де Вега, если и читается,
 то только ради своей образцовой роскошной прозы, ради

1) говорить Шикторъ II, 166.

заклюгающихся въ ней просвѣдовъ въ думу авзора, да
оттасди развъ ради всуавлентныхъ въ нее сужитвореній,
болышинеуво козорыхъ вызвано на связь собыдидии, не
имѣющими никакого отношенія къ содержанию романа.
Однако же первыиъ ^{зальвазелскими} туръ болышнихъ сочиненій Л. де Вегги
была „Дорожя“, длинный прозаическій романъ, разбитый
на диалоги и призоуы — произведение автобиографиче-
ское.

Аркадия — пастушескій романъ довольно значи-
тельнаго объема, издана въ 1584 г. По наследствю гер-
цога Альбана Лопе де Вегги написать эзотъ романъ,
въ козоромъ проза приудливалась образамъ перекитъ,
мивалась со сужитамъ. Тертую козюлою фигурировала
въ соитъ французскихъ пастуховъ и пастушескъ;
возъ погему отъ удѣдилъ поэза написать „Аркадио“
и сѣтлаъ его героемъ романа, для каковой цѣли
отъ сообщилъ авзору нѣкозорые фракты туръ своей
жизни. Въ Аркади Лопе де Вегги обыкновенно видѣтъ
подразманіе Аркади италънца Салпадаро¹⁾, испан-
скій переводъ козорой подвигся въ 1547 году; на самомъ
же дѣлѣ какъ своей фадулой, такъ и сужилемъ она го,
раздо болыше напоминаетъ собою пастушескій произ-
веденія Монтемайора и Сервантеса. Въ ней, какъ
въ Диамъ Монтемайора и Таларетъ Сервантеса, мы
находимъ сфранное стѣшеніе жиги и мезадризики

1) Отъ тилъ съ 1458—1533 г.

съ кардинали паскутеской жизни; въ ней, какъ и
 въ нихъ, возбуждаютъ слабый интересъ Дювервизъ и сфра-
 данія любовника, которій не сумѣлъ пожать иску-
 пель губевъ своей возлюбленной, обращаясь съ ней
 какъ къ образу, что ей не отражаетъ много исхода, какъ
 вслѣдствіе замысливъ за другого; посредство въ разрывѣ гари
 сердце этого любовника какъ освобождается отъ отчаянія
 и любви, что въ немъ, какъ въ сердцѣ Орландо, не
 отражаетъ никакихъ слѣдовъ презрѣннаго губева. Все это,
 конечно, не естественно; герои Лопе де Веги закова, что
 они не могли существовать въ дѣйствительности; они вы-
 растаютъ изъ кошелька манушенинскихъ, мало сообразующихъ,
 щипъ прозаической формѣ рожи; о вторости обзаповъ,
 ки и нравовъ пѣръ и поминку. Но болѣе всего проуз-
 беденій этого рода мнѣнъ въ себѣ одну общую ориги-
 нальную черту, соединяющую въ томъ, что въ нихъ подъ
 покровомъ паскутеской обзаповки древняго міра въ,
 водятся современная и дѣйствительная содвѣдъ, проис-
 шедшія при жизни ихъ авторовъ. На эзотъ ^{смерь} самъ Лопе
 говорить, что его, Аркадія сѣръ правдивая изоридъ. Но
 она до того напичкана всякой утеносью, что по-
 требовался особый объяснительный словарь безрочаго,
 шипевъ въ ней выраженій, которій и приложенъ
 въ концѣ. Въ томъ же повѣствѣ Лопе описывается гро-
 маднвими, почти неслыханными разбиторами, и въ мизера,

Исторія испанской литературы въ XVII вѣ.

зурно въ отношеніи она ничтожна, хотя ряды ея изданій показываютъ, что она правится со временемъ. Впрочемъ въ Аркадіи Лопе есть мѣста поразительнаго риторическаго красноречія, ереси, самія, свидѣтельствующія о богатствѣ и силѣ фантазіи автора.

Еще до 1590 года Лопе де Вега, среди всякихъ нрав., свѣтскихъ и физическыхъ страданій, вынававшихъ на его долю въ несчастной экспедиціи Необходимой Армады, написалъ болѣе чѣмъ своей одириной поэмѣ Красота Ангелики (Анделелики, Анжелики), которую онъ задумалъ какъ продолженіе Аріостова Менсегова Орландо (Orlando Furioso). Въ ней въразцѣ ея содержаніе. Король Андалузіи, умирая, оставилъ свое царство самому красивому мужчине или самой красивой женщине. Въ сремльея получилъ такую богатую призу, и къ числу самыхъ забавныхъ эпизодовъ поэмы можно отнести еще одну эпизодъ, когда на союзаніе дв., лавровъ сариски и уроды и вообразилъ себя красавца. ми. Въ третьей пѣснѣ Медоръ и Анжелика, оставленныя Аріосто въ Индіи, получаютъ зрѣнь, благодаря не, сравнительно красоту Анжелики и зоранисвенно коро, нуюся въ Севилью.

Событвенно на Эромъ и должна была покончиться поэма, елибы въ созданіи ея авторъ слѣдовалъ какому

нибудь строго определенному плану, но вьтиско окон, гатив передь нами проходить цылая вереница войнъ и несчастий, порожденныхъ зависяго оставшихся за штаромъ соперниковъ и грозящихъ зянуцца до безконечности. Для героевъ начинаются всякаго рода мьтязанія. Виденья, волшебства и заклинанія, мьтз, вьсего зачюмь, сльдуюць другъ за другомъ, составляя эпизоды, не имьющие связи ни съ главнымиъ дьтсуйми, ашь, ни между собою. Это наборъ невьрозныхъ приключеній и сверхъсреченныхъ событий.

Причиной, побудившей Лопе приньтзся за своего поэму, былъ цьтль многихъ произведеній, написанныхъ на зорь же сюжеть и въ формь же сьмль. Вотъ напр. Анжелика Луиса Барахона де Созо¹⁾, которая превозносится до небест при обзорь Гибліозеки ла, кашекаго рыцаря, донъ-Никола. Оба поэта явно по драматли Ариосо. Впрочемъ и въ Красозь Анжелики Лопе дьтсуйвовалъ въ сферь сродной его гению; съ одной стороны сюжеть, наполненный фантастическими приключеніями рыцарей, давалъ полный прозорь его фантазии и избавлялъ до нькоторой степени отъ обязанности сльдовать звердому и определенному плану; съ другой стороны, прихьтрон Ариосо и Барахона де Созо какъ бы приглашали его гению брзситься въ озкрьтое море разнуздаемой фантазии и

1) процвьтзавшаго въ конць XVI вьтка,

позабудь о Берегах и о подводных камняхъ.

Возникшая изъ презенціознаго желанія служить продолженіемъ Мензобова Орландо, поэма Лопе де Вега расцвѣтала на цѣлыхъ двадцать пѣсенъ и заключаетъ въ себѣ не менше одиннадцати законныхъ, мисологическихъ стиховъ (Ostava rima). Лучшая часть поэмы тѣ, которая содержитъ въ себѣ описаніе мизъ и красоту природы; худшая тѣ, въ которой възоръ шего, мѣсть своего учености, наполняя цѣлыя страницы свѣтлыми шпенями. — Стихосложение поэмы оули, гаетъ неоднокновенного главности. Въ предисловіи поэтъ говорилъ, что онъ, написалъ ее на борту коро, для св. Иоанна подъ знаменами каролинскаго коро, и что онъ и главнокомандующій экспедиціей одновременно окончили своего работу. Далѣе въ посвященіи Лопе сообщаютъ, что онъ долго не издавалъ своей поэмы, потому что не имѣлъ досуга исправить ее, что онъ и теперь, при подвѣненіи ея въ печать въ 1602 г., оставляетъ многое въ несовершенномъ видѣ, предоставляя охотникамъ оработку ея болѣе счаст, ливому поэту. Лопе де Вега, какъ и Сервантесъ, запл., залъ данъ своему бою пѣсколькими несвязными и безцвѣтными произведеніями, въ которыхъ про, бовалъ свои силы.

Вели уше Красота Ангелики, написанная на борту

злополучной Армады, жалъ и сльмъ оубразаель въ селъ патриотическй и религиозна губельва абзора, есесубвен, но навъдннмъ ело подосметелель, зо эри губельва еше съ болъшей снлой и полмозой выраселель въ Драконъ, зель или, Тълель о Драконъ; содерзнаелель въ селъ онеел, нел послельней экспедиции и смерри Френсиса Дръка, вельду въ подель названнаго Драконель.

Дръкъ началъ свою карьеру въ качествъ пирара въ южнаой Америкъ; онъ безпокоилъ своихъ набогали всю Испаню, опусомая ея берега и захваивалъ Ка, дикель; вель эри двйельвй меуэрашннльвй морельвй казель, вель, по свидельствельву Бэкона, зельмннль: „подметъ бо, роду королю Испаннй.“ Онъ доелъ въ своей высшей славы, въ качествъ помощника главнагоначальствующаго адм, ннльскнль флотель, уничтожившнль непобеднмъ Ар, маду; однль нль, самельвль болъшнль испанельскель кораб, лель сдаль, при одннль звукель ело грознаго иветн. Въ Испаннй, гдъ ело сровско ель испавнльтнль, сколько и боялель, онъ елнзельвль зупнль снльдало и елаелъ, вель пирара и ело неслаелъвль конннла въ 1526 г. въ Панаельвль разснадрнвалель какъ акръ ботнесубвеннаго правосуднй за вель ело злодълельвль. Доказательствельвль законнльвльвльда испанельцевъ на Дръка предельвльвельвль вель собрель, еленнаа народнаа лнзература, въ особенноелъвль народ, нелье романы.

1) См. подобнаго полннльвльскнй французельвль Бэкона, *Considerations touching a war with Spain, inscribed to Prince Charles* 1624. (Bacon. Works, London 1810, vol. III, p. 517).

И зреть же Дрэкъ слышшь сюзеровъ поэма Лоне
 де Вегн, озаглавленной „Драконцея“, ¹⁾создающей изъ десяти
 пьесъ, написанныхъ оксавами. ^{похожи бы сказки, какъ Толкина въ Мелиадте} Какъ Мелиада Гомера
 воспоеть зньвъ Ахиллеса, такъ Лоне ^{въ Драконцея} национальную
 ненависть испанцевъ къ Дрэку. Поэма эта ²⁾представ.
 лаетъ собою нечто странное. Она начинается молит-
 вой Христіансува, изображенного въ видѣ прекрасной
 женщины передъ престоломъ Господнимъ о защите Ис-
 пани и Америкъ отъ шотландскаго пирата — прозе.
 франца (на самомъ дѣлѣ Дрэкъ былъ родомъ изъ Дѣ,
 Вокшира). Она оканчивается ликованіемъ въ Пана-
 ть по случаю гибели Дрэка — Дракона, оуравненного сво-
 ими собственными соотечественниками и благодарственными
 гимномъ Христіансува за то, что его молитвы услышаны
 и что, облеченная въ пурпуръ вавилонская царица (де.
 королева Елизавета) пожелала наконецъ мораченіе. Со-
 держаніе поэмы вполне соотвѣтствуетъ ея началу и кон-
 цу: оно неполно въ дѣлѣ приасовъ и несподовдѣвъ. Вдѣ-
 ли во вѣсть лидература въ міра найдеть поэма, напи-
 санныя въ суровомъ Эпическомъ стилѣ и посвященная
 поруганію гасрнаго лица; она прекрасно показывается,
 какъ извѣстно и странно было имя знаменитого ан-
 глійскаго моряка въ Испани. Несмотря на то, что эта
 поэма направлена прозивъ страннаго дѣдъ всей Испани
 англійскаго адмирала, она не имѣла большого успѣха

1) Драгонцея

2) или лучше Эпическая аллегорія

даже при жизни автора — такая неслучайная изобрела Лопе форма для выражения своих мыслей и чувств. Драма, конечно, написанная в 1597 г. по горячим следам знаменитой в ней событий, была впервые издана в 1604 г.¹⁾

Лопе де Вега приобрел популярность, как поэт, еще в течение плахидейского периода своей сируэской жизни и положил прочные основания своей поэзии, песенной изобретности всего большего своего поэта: San Isidro Labrador (Плахард Исидро или Исидор). В то время святой, посвятивший всю жизнь, по преданию, поветному делу в Мадрид, а именно играл в карты, почитаемый роль в церковной истории Мадрида. Он родился в III столетии, на юго-востоке, где впоследствии возник город Мадрид и, согласно легенде, велью заочно святого жизни, что ангелы ^{нисходили} с небес и наказали за него землю, так как благочестивый муж, посвятивший все свое время религиозному созерцанию, нередко забавался о нем. Поэтому с древних времен он почитался патроном всей Испании и в особенности города Мадрида. Но слава его возросла до высшей степени в 1598 года, когда мощи его исцелили Филиппа III от болезни. Лопе де Вега воспользовался этим событием и написал длинную поэму на жизнь св. Исидора — Плахард, прозванного так в ознаменование другого святого того же имени.

1) На английском языке существует подобная поэма Гарета Фригидмерри *Life and Death of Sir Francis Drake*, 1596 г.

мужна ученаго, прошивавшаго въ Сивисты въ паранты
VII столѣтій.

Главный зонтъ поэмы безъ всякаго сомнѣнія впол-
нѣ сообразованъ духу времени и болѣе главной при-
чиной ея устояла. Возмемъ для примѣра сцену въ
франсійской пьесѣ, гдѣ описывается, какъ ангелы явились
къ Исидору и его жене Маріи, которые были слишкомъ
бѣдны, чтобъ принять и угостить ихъ.

Trois anges à Abraham

Mina vez aparécieron,

Que á veces á nombre vinieron etc.

«Три ангела некогда явились Аврааму въ урѣ,
гдѣсь габріельское; они явились втроемъ, поэтому что
изобразили собою Трїединнаго Бога. Къ Исидору же ихъ
явилось только двое. Великій Боже! что это могло
означать? И гдѣ ихъ братья помыслили? Но они не для
того пришли чтобъ пѣтъ, но чтобъ утѣшить святого. Если
бы Марія, подобно Сарѣ, могла зогласъ же приняться
мѣтъ хлеба, если бы свѣзой, подобно Аврааму, мѣтъ пай,
зи насущалось овна и кадалось мѣду изъ созовъ, а чѣмъ,
день, онъ пригласилъ бы ихъ къ себѣ, но если ничего
этого мѣтъ дома, все нушно купить. Возъ можемъ свя-
того нушно извинить, что онъ не пригласилъ гостей къ
себѣ — бѣдность помышала ему. Пѣтъ Авраамъ мѣтъ
овна, зи же Исидоръ, повергнувшись въ прахъ передъ

Богомъ, оудай ему своего думу. И никогда Господь не по-
 знущаеся какой смерзвой, какъ смиренное сердце. Онъ
 не хозьмь, что въ Мсаакъ бѣль принесены свои въ от,
 цомъ въ смерзвѣ. Онъ хозьмь золько послушанія Авра-
 ама.

Сцена Оза, долменсхувуоуаъ бѣль хориссхувенной,
 ибо она содершмь въ себѣ факзы, послуживше главнѣе
 основаніемъ для канонизаціи свѣзого, — изложена до,
 не де Вегой въ закъ сѣхалѣ, которе погузъ служмь
 обрацмь главносху разлѣра и развѣзносху зомъ
 авзора. Поэма написана схармьмь ^{народналь} разлѣрѣмъ, пѣри,
 суромьмь, зшадельно ршлованьмьмь, схансамь (quin,
 tillas); не смозрѣ на очевидно зрудносху ззого разлѣ-
 ра, онъ видѣу зѣльнѣ зѣ главносху и легкосху сѣхалѣ,
 которомь вполнѣсху прославилсѣ Л. де Вела. Не
 смозрѣ на зо, что поэма заклюгаеся въ себѣ десѣтъ
 зсѣдѣ сѣхалѣ, раздѣленнѣ на десѣтъ пѣсней, всѣ
 она бѣла окотлена въ годѣ и издана въ 1599г. Она
 не ошмьаеся болшмьмь поэзическнмь дофронсхува,
 мь; ильбо поэра бѣло созду популярное произве-
 деніе, и онъ доермь ззой ильмь; ибо кѣнѣе ильмь
 въ девѣтъ лѣтъ ^{поэма} видермала чѣкере издакнѣ, и захронувѣ
 народное гувѣзѣо гораздо въ болшмь сренемь ильмь
 Аркадіѣ, она послужмла первымъ основаніемъ из-
 вѣстносху Л. де Вела, какъ національнаго поэра.

Въ 1603 г. Лопе де Вега написалъ прозаическій ро-
манъ подъ заглавіемъ El Peregrino en su patria (Судан-
никъ — Пилигримъ въ своемъ отечествѣ). Это — исторія двухъ
любовниковъ, которые послѣ различныхъ приключеній
въ Испаніи и Португаліи попадаютъ въ плѣны къ Аб-
ралю и, одолевъ пилигримамъ, возвращаются черезъ Ита-
лію въ Испанію. Мы впервые знакомимся съ ними въ
Барселонѣ послѣ предпріятнаго или кораблекруше-
нія. Главныя сцены романа имѣютъ мѣсто здѣсь, а
также въ Валенсіи и Сарагосѣ. Развязка происхо-
дитъ въ Толедо, гдѣ съ согласія друзей любовники за-
ключаютъ дружбу съ другомъ вѣчной союзу. Самая фа-
була полна глубокаго интереса. Къ основному по-
заву искусно приплетено множество эпизодовъ; кро-
мѣ того въ рамкахъ романа вставлено множество
хождений, а равно также и множество драматическихъ
эпизодовъ, которые, повидимому, были даже разыгрывае-
мы на сценѣ. Въ восемь вѣговъ, слѣдовавшихъ за брако-
сочетаніемъ, было представлено множество драмъ, загла-
вія которыхъ и приводятся. — Две изъ нихъ, El Peregrino
(«Преслѣдуемый») и El galan Argadesido («Услащенный
любовникъ»), не возвращаются въ число изданныхъ пьесъ
Л. де Вегы, но крайней мѣрѣ подъ этими заглавіями. —

Содержаніе этого романа относится къ 1598—99 г., когда
Филиппъ III женился. Весь романъ раздѣляется на пять

книжка и въ литературномъ отношеніи обработана весьма изящно. Материалами для него очевидно послужили нѣкоторые происшествія, случившіяся съ самимъ поэтомъ въ Валенсїи и другія мѣста, но на все это надбросить поэтическій колоритъ до такой степени, что за исключеніемъ нѣкоторыхъ подробностей относительно городской жизни и нѣкоторыхъ описаній мѣстностей почти все въ романѣ зрѣть имѣетъ реальной подкладки. Мюса, насколько отзывался реальною, отнесся къ представлѣніямъ тѣмъ въ различіи мѣста, сцѣны; также весьма живописно описанъ Монсерратъ и окрестности Валенсїи въ первой и второй книжкахъ. Въ третьей книгѣ есть рассказы о привидѣніяхъ, въ основѣ которыхъ лежатъ, повидимому, историческіе происшедшіе событія. Во всякомъ случаѣ романъ имѣетъ цѣль поэтическую французію; онъ одинъ изъ самыхъ раннихъ и лучшихъ предзавѣреней романтическаго вымысла въ испанской литературѣ, тамъ онъ создалъ образъ изъ лучшихъ памятниковъ литературы въ зрѣломъ родѣ вообще. Онъ посвященъ маркизу Триго; посвященіе написано въ Севильѣ и помѣчено послѣднимъ днемъ 1603 года.

Не касается здѣсь нежить стихотвореній Л. де Велли и его, Нового искусства сочинять пьесы (Arte nuevo de hacer Comedias), но переходимъ теперь къ большому

эпическому произведению его, къ „Завоеванному
Иерусалиму“ (Jerusalem Conquistada), которое первоначально появилось въ 1609 г. Поэту воспевается здесь не, удачную попытку завоевать святой городъ у невѣрныхъ, предпринимаемую въ концѣ XII столѣтія Ричардомъ Львиное Сердце — сюжетъ очевидно неудачный для христіанской эпопеи. Все, что можно было сделать въ эпоху эту, такъ поэту — это заимствовать изъ исторіи рядъ событий, присоединить къ нимъ новгородско-эпическую и украшѣній изъ соболевской фантазіи и придать эпоху Святослава, насколько возможно, величавую и окруженную формою эпопеи. Но Лопе де Вега далѣе этого не сделалъ. Онъ только написалъ длинную эпическую поэму, сделавъ ея героемъ Ричарда Львиное Сердце, но все имъ, дерзость двѣхъ вѣковъ основана на соперничествѣ Ричарда съ другимъ героемъ Альфонсомъ VIII Касильскимъ, который подвигается въ сопровожденіи своихъ рыцарей и съ нѣсколькими книжками вступая само на первый планъ — предѣломъ не художественный, уничтожающій единство и далѣе трюкомъ нелѣпный, такъ какъ Альфонсъ Касильскій никогда не бывалъ въ Палестинѣ. Другая несообразность состоитъ въ томъ, что сюжетъ поэмы собою очевидно оканчивается въ XVIII книгѣ возвращеніемъ обоимъ героямъ на родину; XIX-ая книга содержитъ въ себѣ исторію предѣлниковъ Альфонса; въ XX-ой оти.

сбивается титанъ Ринарда и злая смерть Саладина, безире, изреченно царствовавшаго въ Иерусалимъ — заключеніе неслышанное и неудовлетворительное.

Однако же нужно признать, что историческій сюжетъ блестящаго похода Ринарда въ Восточное Сердце изображенъ въ довольно правдивомъ освѣщеніи, но, не смотря на все относящееся къ испанскимъ авантюристамъ, все дѣло перенесено въ ^{сверхъсредственныхъ} видѣній и аллегорическихъ фигуръ, много численныхъ эпизодовъ и любовныхъ приключеній, преобладающихъ нѣтъ разсказа до такой степени, что сюжетъ, съ невозможнымъ вниманіемъ слѣдить за его ходомъ, производитъ поэму со вниманіемъ. Правда, легкое и граціозное стихосложение вырывается и здѣсь, но разсказъ даже въ описаніи такихъ мѣстъ какъ Св. Земля, островъ Нипръ, Проломанда, Тиръ, лишенъ жизни и движенія и плещетъ какими-то крайне тяжелыми и лѣтними шагами. Отсутствуетъ пропорциональность и сообразность частей, несоблюдимыхъ для созданія эпического цѣлаго, нѣтъ и помысла. Титанъ не менѣе произведеніе — грандіозное и самое авторъ называлъ его трагическою эпопеей (Épopée tragique). Оно состоитъ изъ двадцати книгъ, написано семидесятьюстами франсами и содержитъ въ себѣ 22,000 стиховъ. Лопе де Вега сколько задался мыслями сообразуясь съ Торквато Тассо и пришелъ на такую погубь, на которой великій итальянскій поэтъ срыналъ свои лучшіе лавры.

Какъ и следовало ожидать, отъ погертелья неудачу. Сл. мой выборъ своего неслѣдъ названъ счастливѣе, ибо Лопе де Вега воспоминаетъ не завоеваніе Герусалима христіанами, а неудачную попытку отвоевать свѣдой городъ у невѣрныхъ. Но самъ авторъ всегда шире къ этой поэмы нѣкоторое приращеніе. Такъ въ одномъ письмѣ къ герцогу де Сесса отъ 3 сентября 1605 года, сказано-было незадолго до изданія ея въ связи отъ говорить: „Я написалъ эту поэму въ лучшіе годы моего зрѣнія, задавая себѣ цѣль много рода, такъ же, съ которыми написаны произведенія моей юности, созданныя въ эпоху наибольшаго господства сцены“. Отъ посвященія ее королю, и изъ посвященія видно, что отъ ее слѣдуетъ двойной вниманія короля.

II-й періодъ (1604—1635).

(По преимуществу дидактико-драматическій періодъ въ противоположеніи I-ому, лирико-эпическому).

Если первый періодъ своей лирической дѣятельности самъ Лопе де Вега называетъ эпохою наибольшаго господства сцены, то этотъ, второй періодъ, періодъ величайшей лирической извѣстности Лопе де Вегы, оказывается закономъ, когда утихаетъ сцена. Въ первый періодъ это значитъ мѣла болѣе свѣдѣе, а (второй) — болѣе духовное и правленіе. Уже въ эпоху изданія „Завоеваннаго Иерусалима“ Лопе де Вега получилъ въ духовное званіе; на заглавномъ листѣ этой поэмы отъ впервые называетъ

себя слугою св. Инквизиции (Familia de Santo Oficio). Признаки переломной жизни не замедлили отразиться и на его произведениях. Полугибель приходъ, Лоне ревностъ, но исполнять свои духовныя обязанности и влиться въ ряды продолжателей писателя Драмы и иных поэтических произведений.

Въ 1612 году отъ издана длинная пастушеская повесть подъ заглавиемъ Pastores de Belen (Видлеескiе Пастухи). Она написана отчасти прозою, отчасти стихами и содержитъ въ себѣ священную исторiю новаго завета отъ рожденiя Марiи до прибога святаго елени, събѣ въ Влiмбергъ, по преданiю римской церкви. Разсказъ объ этихъ событияхъ вложенъ въ уста современника видлеескихъ пастуховъ и обрадованъ въ духъ народныхъ преданiй.

Пастораль Лоне де Велен отражаетъ недооценку, которую ставятъ на пастушескихъ повѣстьяхъ того времени: она лишена жизни и колорита драматичности. Такое не легко объяснить, почему безавлечен сюда зрѣли или пезыре поэтическихъ созданий и итоскоко испанскихъ народныхъ игръ. Но съ другой стороны нужно сознаться, что повесть Лоне де Велен тасквозъ проникнута духомъ мягкости и крозоети, вполне соответствующимъ ея содержанию. Мъсралаи зовъ авзора согласуетъ съ библейскими преданiями. Нъкозорые разказы,

заимствованные изъ везлаго завожа, переданы съ болг.
мой графией, и переводъ псалмовъ и другихъ еврейскихъ
схизозвореній, введенныхъ въ поевъсъ, исполнена
весьма удачно. Взаблещенныя же въ поевъсъ содържен.
ныя схизозворенія Лопе де Веги принадлежать къ его
лучшимъ схизозвореніямъ. Такова, наприимръ, пьсен.
ка, козорица поевъ подъ сенью пальмы св. Дьва, скло.
тившия надъ ковиделю своего риденка:

Pues andais en las palmas,
Angelos santos,
Que se duerme mi niño,
Jened los ramos etc."

Св. Ангелы, блуждающіе подъ сенью пальмы, удержи-
те мѣ възбви, тогда мое дитя не проспучает! А вы вид,
лесенскія пальмы, караемая бурными вѣтрами, не
ущиже свои мѣ вѣзвѣли, тогда мое дитя не проспуч-
ает! Божесрвѣтныи малюзка, уфолеттвой земными
горесѣли и сраданили, забылся спомъ. Не щиже
те свои мѣ вѣзвѣли, тогда мое дитя не проспучает!
Сзостоду на него вѣзвѣзъ холодомъ и пергамъ мнги
прикрощъ его. Ангелы божии, летяющіе надъ землею
на своихъ крыльяхъ, удержиже вѣзбви пальмы, тогда
мое дитя не проспучает!"

Надо признава^{сь}, что оъ зрой пьсенки вѣзвѣзъ тѣмъ
же духомъ каролической надомности, козорилъ проник..

изры написанныя на подобный сюжету картины Лу. Ридсо.¹⁾ Произведение это авторъ посвятилъ въ прозе и въ зрочательныхъ выраженіяхъ своему сыну Карлосу, презрительному ребенку, умершему на седьматъ году своей жизни, о которомъ поэтъ всегда воспоминаеть съ большой нѣжностью. Но это произведение, какъ хорошо принятое публикой, оказалось неоконченнымъ. Повсюду сохранилъ только нѣжъ пѣри книги.

Въ томъ же 1612 году Лопе де Вега выпустилъ въ свѣтъ итальско религіозный романсъ и Pensamientos en prosa (мысли въ прозе), будто бы переведенный изъ съ латинскаго, изъ Табриля Падеконео — меловскаго ама, грамма его содѣлываемаго имени. Съ этого времени охъ издавалъ множество свидѣтельныхъ поэмъ, благогесубныхъ размышлений и религіозныхъ поэмъ. Въ 1614 г. охъ издавалъ италій томъ, сохранившій изъ недобрыхъ схищозворений духовнаго содержания, къ которымъ охъ при соединилъ итальско зорисубенныхъ и поразительныхъ по своей силѣ поэтическихъ размышлений и молитвъ, сочиненныхъ имъ въ то время, когда охъ, какъ многопреклоненный передъ кресломъ, возмущалъ въ обществу католиковъ; далѣе двѣ благогесубныхъ проповѣди, написанныхъ имъ по просьбѣ членовъ этого общества или братства, сборникъ духовныхъ схищозворений и наконецъ Via Crucis или Размышлений надъ

¹⁾ Испанскій живописецъ 1617—1682.

переходомъ Гисуса Христа изъ судилища Пилазова на
Толгофу² (1614г.). Многие изъ зрѣль сценозворений дамазъ
глубокой и зорнесуветной надобности — напр., сонера,
накипающійся словами:

«Yo dormiré en el polvo»

(Я буду спать въ пыли) —

Друзия — сухи, озлипающа сзрапной вучтарносерго и
грудосерго зона,¹⁾ осдалбная пригудлива и безсодержаель,
ны. Многие изъ религиозныхъ романсовъ Лоне де
Веги до сийль поръ поперъ ницилми сльпцраки теа
Мадридскихъ улицаель. Эри сценозворений, равно какъ
и въ зорнесуветное повтсрвовање о мученической
смерди мнозсерва хрисцианъ въ Аноним (Triunfo de
la Fe en los Reynos del Japon, 1614) наполняющъ собото
сборники сльпцраки произведений, напечаельныхъ
между 1612 и 1620гг.

Въ ^{1622 г.} Лоне де Вега ^{два} ильль удачныхъ случая
являлся въ Мадридъ передъ собраніемъ народа и двора
въ роли духовнаго лица и драматурга. Это было по слу-
чаю канонизацїи св. Мисдро или Мисдора, въ честь
котораго, двадцать лтъ въ зону назадъ, поперъ написель
одно изъ популярнѣйшихъ своихъ произведений.

Въ 70 врьдъ ^{восточнаго города Испанїи} подобными зорнесуветами пользовались
ривская церковь, какъ удобными случаями для пози-
данїя зорнесуветы и прославленїя своихъ национальныхъ

1) Таково напр. сценозворение: «Gertrudis siendo Dios tan amoroso.»

поэтов. Римская церковь около освятила своимъ
авторизацїемъ объявленнымъ по эфому поводу поэтическія
созданія ^{-зурниры} козорваніи она хотѣла затѣнать романскіе
зурниры, имѣвшіе на всю Европу такое сильное влі-
яніе. Эти мѣразаурныя сознанія назывались „поэ-
тическими судимизаціи“ (justas poéticas); они сопро-
вождались различными призами и наградами по-
добными и въ скоромъ времени сдѣлались однимъ
изъ самыхъ любимыхъ народныхъ празднествъ. Мы
уже нѣсколько случаевъ говоримъ объ этихъ зурнествахъ,
начало козорванія относится къ концу XV столѣтія, по
поводу получена Сервантесомъ первого приза въ Сара-
госсе въ 1595 г. Это до Лопе де Веги, ко отъ полу-
чилъ первую награду побѣдителя въ іюнь 1608 года,
въ Толедо, а въ сентябрь 1614 года былъ судьбою поэти-
ческаго празднества по случаю бездрификаціи святой
Терезы въ Мадридѣ, гдѣ произвелъ болгое впечат-
леніе на публику своимъ мелодическимъ голосомъ
и своею манерою чтенія эрилозвореній.

Но ни одно изъ предшествовавшихъ зурнествъ
не могло равняться съ бездрификаціею св. Исидора,
покровителя Мадрида. Весь сословія этого германскаго ^{софота}
(какъ называли тогда Мадридъ) приняла въ ней участіе.
Церковь св. Андрея, гдѣ было похоронено папарт,
была украшена съ необыкновеннымъ великолѣніемъ.

Соломенные кувцы буквально сковали ее алгаричи, съели серебро; золотых дель мастера слили для святого саркофага (раку) из золота, съ богатого чекан, кото; прочие классы народа съѣдали факел прино, шений, обнаруживавшя Богородице, которое зода зекло въ испанскую столицу золотой рькой изъ Мериан, скихъ и мексиканскихъ рудниковъ. Передъ церковно была церковь великолѣпная сретя, съ которой ги, дались присланныя на конкурсъ стихотвореній, и згозь оудаль праздниева быль предохраненъ въ главное распоряженіе Лоне де Вега. ✕

Сперва было прогшено, какъ бы въ видѣ пролога, итьскалько просьба оу сочинителей; позошь Лоне де Вега оукрыль зоршество похвалной рьгой въ честь св. Мси. дора. Въсльдъ зазаль следовало чтеніе зель, заданналь девдзго музани и правила, которани долларни руковод, сробавдсь судби при присуденіи награды; далсе нака, лосъ чтеніе самаль стихотвореній. Между соискареля, ми были знаменитыише поэты зого времени: Сараде, Гилгенъ де Касдро, Хореги, Эспинель, Монзалванъ, Пан, золеонъ, Сильвейра, юний Калвдеронъ и самъ Лоне де Вега съ сономъ. Въсь они вели себя ваино, сообразно съ зоршественностю сурка, но послъ каждаго чтенія конкурсналь стихотвореній подвлялас на сретнь маска, подъ вымысленналь именеми Пломъ Бургилюса, и

описывала мизерабурное зоршесство въ сафиринескитъ срилахъ, ослышавъ всякъ и все подобно драгого народного зрабра или инфермедидль, исполнелъкъ въ поелъ каждаго актра на правилной сцене.

Эта сафиринеская приправа праздника прикладле, тала пору ломедъ Вегу; драматургескитъ инсценирхъ вьрно подсказалъ ему, что веселая выходы необход, дило должныи были оуъ времени до времени давати оудь въ вниманито слушателей и разнообразитъ жан. мосуръ зоршесства. По окончанити китоний, судьби произ, несли илена подьдирелей.

Два года спустя совершилось еще болъшее зорше, сство, по случаю канонизации Мсидро. Она продол, талась девять дней. Въ началъ царствованія Фри, митпа IV пана, змодъ повелеть, змодъ св. Мсидору вьтисеть съ зрелья другими благогесудивыми испанцами были прикиселеть къ лику святыихъ крестей формарькой канонизации. Почесри, оказавшья св. Мсидору, были чрезвычайной. Въ разнакъ гасдяхъ города било воздвиг, нузо восемь пирамидъ, въ семидесять друзей вышима, кромь зого било учуроено девять великолъпныхъ ал, зарей, залокъ, роскошнй садъ и временнй зрабрь. Въ лучшйе дома города были убраны великолъпными, раз, поувязными жкандми и коврами; церковныя процессии, въ козо, ройль самыя знаурныя лица добровольно приняли на

себя исполненіе самыхъ низменныхъ ролей, обходили улицы. Ко всему этому присоединилось популярный, шесъ изъ народныхъ увеселеній — бой быковъ, въ которахъ для забавы публики было принесено въ жертву — подобно греческимъ гекатомбамъ — болые дурье зелье этихъ благородныхъ символовъ.

По стеланию города, Л. де Вега должно было приготовить къ этому дню два театральныя пьесы, одну изъ дурьева, а другую изъ юношескаго періода жизни св. Исидора. Эти два пьесы игрались на открытой сцене передъ королевемъ, дворянмъ и многочисленнымъ собраніемъ народа. Л. де Вега игралъ главную роль въ празднествахъ, прекрасно характеризующемъ и дурье времени и религію, подъ стѣною которой оно совершалось. Успѣхъ на, шего поэта на этихъ празднествахъ несомненно возбудилъ его самолюбіе и сдѣлалъ его извѣстнымъ всей массѣ народа. Особенно были приняты въ восхищеніе за, бавныя, хотя и нерѣдко весьма грубыя, сатурническія выходы Шоме Бурмигоса. Поэту Лопе вносили, свѣи написавъ еще нѣсколько срихотвореній въ зромъ родѣ, а въ 1634 г. онъ издалъ подъ псевдонимомъ Бурмигоса цѣлый томъ сатурническихъ произведе, ній. Больше всего между ними сонетовъ и срихотвор, ний разказовъ, изъ которыхъ нѣкоторые отличаются замѣчательной комической силой. На односторонъ тѣмъ,

которой къ форму она оживаетъ болѣе значительными
объемомъ, заключае въ себя двѣ тысячи пьесъ съ
хоть разными размерами, слѣдуетъ остановиться подро-
бно.

Это — La Gatomaquia ("Комедия война", "Комедия по-
единому"), комическая поэма въ трехъ дѣйствіяхъ. Въ ней
описывается поединокъ между двумя козами, влюблен-
ными въ одну кошку. Подобно многимъ произведеніямъ
этого рода, не исключая оцуда и *Buzzaqomichalim*
(Витражоромихіа) Гомера, поэма Лопе де Веги черезъ
чужь длинна (около 25,000 стиховъ). Но если поэма Л.
де Веги не первая по времени изъ произведеній этого
рода въ испанской литературѣ, то она несомненно
первая по быстротѣ дѣйствія. Особенно хо-
роши послѣднія двѣ пѣсни (*Silvas*), написанныя
отчасти въ стилѣ Аріосто, отчасти въ духѣ народныхъ
романсовъ и оживляющіяся замѣчательной игривостю
и остротами. Въ дѣйствіи этого *Gatomaquia* съ самаго
появленія своего пользовалась большою популярностію,
стала модною и чтенною въ Испаніи, да и въ
настоящее время изъ старинныхъ произведеній Л.
де Веги она читается едва ли не болѣе всего.

Въ прозаическомъ между двумя переводчиками въ
чужь св. Мисдора Л. де Вега издали "Сборникъ разныхъ рода
сочиненій". Тутъ помѣщена между прочими поэма

Филомена. Первая часть этой поэмы содержит в себе мифологическую историю Пегея и Филомены; вторая — аллегорическое оправдание самого себя под видом защиты соловья отъ завистливого дрозда. Кроме того в этой же сборнике находится Шапада — сентозворное стихотворение герцога Броглинского в Португалии; поэма Андромеда с мифологическим сюжетом, как и Филомена; Las Fortunas de Diana (Судьба Дианы), самая ранняя из прозаических повестей этого автора; несколько поэтических посланий и небольших поэм и переписка по поводу такъ-называемой Новой поэтической школы (Nueva Poesia), где находится злая выходка по поводу бывшей тогда в большой моде поэтической школы Тотгоры, т.е. школы афрекции. Вздрыв в школу, этот сборник мало прибавит к поэтической славе Л. де Веге, но оздоровительная часть его, напр. отрывки из посланий и Филомены — полны глубокого интереса по существующим в них намекам на обожествление личной жизни великого испанского поэта — писателя.

Второй сборник подобного же содержания составил Диего издатель Лопе де Вего в 1624 г. В нем помещены три поэмы, написанные оккупантом: Циркея — не совсем удачная обработка известного эпизода Одиссея Гомера; La Moñona de San Juan (Цирк св. Иоанна) —

описание грациознаго народного праздника, какъ какъ
онъ праздновался въ то время, и легенда о происхождении
денни Бѣлой Розы. Къ нимъ авторы присоединили
миланско посланіе въ прозу и стихи и три не,
болыише повести въ прозу, составляющія вытиску
съ уполномоченъ еще много у сборника 1621 года повестию
Судьба Дианы (*Las Fortunas de Diana*), все это было
имъ издано въ области романтическаго вымысла.

Весьма второздно, что эти повести были написаны
въ подразманіе повелланы Сервантеса, издаваемыи
одинадцать лѣтъ назадъ и пользовавшися болыишою
извѣстностю во всей Европѣ. — Но область романтика,
скаго вымысла какъ же мало соотвѣтствовала таланту
Лопе де Веги, какъ драматургическая дѣятельность авторы
Донъ-Кихота. Повидимому Лопе самъ понималъ
это, идо въ предисловіи къ первой повелли, онъ со-
знается, что зорско желаніе угодить одной дамы по-
будило его вытиснуть въ этой области литературнаго
зворлея, котору онъ считалъ себя гурдой; три
осналныя повести, посвященныя этой же особѣ, по
всей второзности, возникли подъ вліяніемъ зоро
же гурды. Хотя ни одна изъ этихъ повестей не про-
извела при своемъ появленіи болыишаго эффея, но
зѣль не менше онъ безспорно составляють украшеніе
сборника. Серда-и-Рико, издавалъ эти повести Л. де Веги,

1) Франсиско Серда-и-Рико

Исторія испанской литературы въ XVII вѣ.

замысляетъ, что лучшій поборникъ на испанскомъ языкѣ принадлежитъ Перванцесу и что Л. де Вола несколько хороше, несколько отъ сумасшедъ обладаетъ манерой а, гора Донъ-Кихота.

Около этого времени мы видимъ нашего поэта въ новой роли, роли инквизитора, но религиозный фанатизмъ не ослабилъ его любви къ поэзии. Въ 1625 г. онъ выпустилъ въ свѣтъ свои „Божественные Триумфы“, поэму въ пяти книгахъ, написанную въ стилѣ Петрарки и его любимыми размерами. Поэма начинается побѣдами „Божественнаго Плача“ и оканчивается триумфомъ христіанства. Произведение это не имѣло цѣльа главнаго образа поэмы, это самое заглавіе невольно наводило на мысль сопоставлять его съ Триумфомъ знаменитаго италіанскаго поэта, кромѣ того оно безконечно ниже петраркинскихъ „Триумфовъ“. Гораздо сильнѣе напечатанная вѣсть о этой поэмы сочела и другія стихотворенія религиознаго содержания. Нѣкоторой мѣрѣ эти стихотворенія проникли въ поэтическую и гудокимъ гудокимъ, закова напр. канцона на смерть сына („A la muerte de Carlos Felіx“) и сонета на свою содѣянную смерть, начинающійся словами: Yo dormire en el polvo („Я буду погивать въ прахѣ“), но за то другія полны легко, мысли и фанатизма. Однако все они выхолятъ върядъ

датою какъ прекрасное показаніе о томъ, что разумными благогесуивыми и просвѣщенными людьми XVII столѣтія поодъ истребелъ религіи.

Тюже самое можно сказать и о поэмѣ „Трагическая королева“ (Сорона Трагиса), основанной на драгической судьбѣ Маріи Стюартъ и изданной въ 1627 г., ровно 40 лѣтъ спустя послѣ ея смерти. Она начинается исторіей Маріи Стюартъ, которую она сама рассказываетъ находившимся при ней въ тюрьмѣ дамамъ, и оканчивается ея смертью на эшафотѣ. Поэма созида изъ пьесы, написана восьми-срочными страсами и по мысли ко, эта должна была служить образникомъ религиозной эпопеи, но на самомъ дѣлѣ она представляетъ собою образчикъ проникнутой недержимостью религиозной конфуры веры. Марія изображена здѣсь глупой и свѣдой мученицей католицизма, тогда какъ Elizabeth поочередно именуется Elizabeth и Араліей, прикель Филиппу почти ставится въ вину, что онъ, бывши въ качествѣ супруга Маріи Теодоръ королевой Англии, пощадилъ ея сестру. Можно сравнить трагедію Маріи Стюартъ Шиллера съ поэмой Л. де Веги. Поэма испанскаго поэта какъ въ про, такъ и въ драгическомъ духомъ, одушевлявшимъ собою каждаго испанца эпохи Филиппа II, зтомъ духомъ, который придавалъ особый характеръ испанской инквизиціи. Можное даже въ силу этого Лопе де Вега считать своего поэта

дождьного посвященія панъ Урбану VIII, которой на-
писалъ Эпизафю на смерть несчастной шотландской
королевы. Въ посвященіи Л. де Вега такъ ловко пою-
силь соизумелъ Эпизафю, сказавши, что папа пред-
рекъ Благословенію Маріи. Мозубая выходка поэта была
принята благосклонно. Папа написалъ ему любезное
письмо, съдѣлалъ его докторомъ богословія, прислалъ
ему орденскій крестъ св. Иоанна и возвелъ его въ по-
четную должность — фискала апопоземской камеры и
поэтиуса римскихъ архивовъ. Стажилъ образцы поэты
дослать высшихъ духовныхъ оулий, о которыхъ развѣ-
далско мочь летать оны. Но вообще говоря, это довольно
скучное произведение. Хотя авторъ объ этой своей поэме
говорить, что она писана въ деревенскомъ уединеніи,
когда душа теловѣка проникается мягкимъ и кроющимъ
нахрустиемъ, однако она проникнута недержимостью
религіозной кондроберси.

Въ 1630 г. Лопе де Вега издалъ поэму Laurel de
Apolo (Лавръ Аполона или Аполлонова лавры,
Madrid, 1630, ф. 118). Въ ней описывается поэтическій празд-
никъ, данный Богомъ поэтамъ въ апрѣль 1628 года на
горѣ Пеликонѣ. На этомъ праздникѣ были присутс-
тви наряды болѣе чѣмъ триста славъ испанскими по-
этами. Огромность этой цифры не замедлила отразит-
ся и на изложеніи поэмы, которое съдѣлалось крайне

монументальныя отпаву вельдывіе невозможности
 ярко охарактеризовазе многасць аўдытарных позрв,
 отпаву вельдывіе зого, што аўзорь задазець цыльсю ко,
 хвалитъ кождаго изъ ниль. Позна приняла вельдывіе
 ззого зрезвычайныя розмьры: она распадаеця на десьць
 silvas и содершыць въ себѣ болѣе сели рьскль сриховъ.
 Позна эа тьсколька напоминаецъ Пурешесувіе на
 Парнавь Сербанзеса, но золько ^{она} болѣе обширна, болѣе
 обрадоуана и еще болѣе неудоблеворизлетна. Однако же произ-
 веденіа позрв, упоминаемья въ Laurel de Arbo, болѣе частю
 не лишены мьраурурнаго значенія. Въ одномъ золько
 съ ззого позрво Лопе напечаала, кромѣ разномъ мел,
 киль сриховореній, драматическую Эклоу въ сели сзе,
 наль, козоя ранге была представлена въ присудствіи
 короля и двора съ необыкновеннаго роскошью въ костю-
 махъ и декораціяхъ, што слышнъ доказавася свободъ,
 какъ цытили при дворѣ ея аўзора, если для нани-
 самной нль бездылки не пожалтели факиль нздѣрженъ.

Шенеръ золько — въ 1632 г. — впервые вышла въ свѣтъ
Доротея, о козоя рьгъ была узне ранге. Въ „Vloga
 à Claudio“ (въ переводѣ Сурозменка II, 166: Въ этилогъ
 къ Клавдію) самъ Лопе выражаеця оь ззоль произведеніи
 факъ: „Доротея, померзное дитѣ моея музы и мое послѣд-
 нее и самое любимое произведеніе, до силь норѣ масидеръ
 своего похвленія на свѣтъ“. Мьвѣрно, што Лопе нцала

1) Сантоа факль ^{позрво} съ біографическими указаніями относительна
 нль произведеній помѣщено въ XXXVIII золько Biblioteca de
 Autores Españoles (Madrid, 1856).

особое приращение къ Дороухе, называлъ ее самымъ любимымъ изъ своихъ произведений (la mas querida de sus obras) и говорилъ, что въ сражении онъ рязанъ, но пересокрываетъ свой юношескій гредъ и сталъ къ нему много добавленій.

За день до того, какъ смертельная болгуза пришла, на подвельности этого таланта, неискожимого въ своихъ произведенияхъ, хотя часто небрежнаго, а еще чаще заблудившагося въ помыслахъ и вкуса своего вкуса, манисаны были иль — Эклога въ персе одной португалской дамы, извѣстной поэтессы того времени, не болгуза поэма el Siglo de Oro (Золотой вѣкъ), замъ, гадельная силою и гармоніею звука, и сонетъ на смерть одного друга. Все эти произведения вошли въ сборникъ произведений Лопе де Веге, болгуза гасуто драматическаго содержания, изданный его зятемъ Луи. сомъ де Усадеги черезъ два года послѣ смерти поэта.

Разнозрѣнный до сихъ поръ нами произведений Лопе де Веге слишкомъ недоезаочно объясняютъ намъ ту популярностъ и степень любви къ нему, какъ къ поэту, ^{любви} которого онъ пользовался кузь не съ самаго начала своего авторскаго поприща. Въ нихъ много таланта, они отличаются большою силою оригинальности, поэзии, изобрѣзательности, еще болгузей силою зворесерва и поразительной тлавностию звука, но возвышительны.

Резюме.

глубокий духом истинной поэзии они проникли в
 греческую и римскую поэзию; вообще говоря, они сражались безбоязненно,
 поэзию и осуждали законченности и в бою, и
 судьба случаев даже осуждали национализма от,
 пеллака.

Разгадка этого факта состоит в том, что Лопе
 де Вега в своих сатирах, напичканных до предела
 разномыслием, произведений рвотного шельма по сути,
 ведущему к несомнительному упадку. Лидерами
 повзрели, господствовавшие тогда при дворе и в высших
 классах испанского общества, постоянно сбивало его
 с истинного пути. Тоскань и Гарсиласо не больше
 как за полвека прославили себя утомить, что чув-
 ственно родной поэзии поэтические формы ифаллицизм
 — сонет и канцона. В эпоху формирования за-
 канца Лопе де Вега эти два стихотворения были иде-
 ами своего времени, и нашему поэту естественно
 образом должна была прийти мысль, что подражание
 этим блестящим образцам есть верный залог успеха.
 Да. При этом чувствуя в своей груди великую силу, он
 смело вступил в борьбу не только с Салмадзаро
 и Гелло, с козлами (ифаллицизм поэзии) созда-
 лись его предшественники, но и с Петраркой, Ариосто
 и Торквато Тассо. Салмадзаро его болше поэт,
 эллицизм, повествовательности и описательности, на,

писаны величавыми размерами его великих учителей (оттава гита). Они кроме того оставили намъ два тома, тия наученскія поэмы въ духъ „Аркадіи“ Саммадзаро, нѣсколко смѣлыхъ опытовъ Данзовскими герциками и массу стихотвореній во всякъ родъ нѣмецкой лирики, включая сюда около семисотъ сонетовъ.

Но, какъ уже сказано, во всякъ духъ произведеніи, ихъ очень мало чисто національнаго, проникнутаго старинными касилскими духомъ, и если бы Лопе де Вега оставилъ только эти произведенія, то его слава далеко бы не достигла той высоты, на которой являея она новейшей критикѣ. — Это пасторали въ прозѣ и его романы гораздо лучше его эпическихъ поэмъ; его дидактическія стихотворенія, его посланія и элегіи нерѣдко превосходны, но только тогда, когда Лопе де Вега исполнитъ сюжетъ на народномъ почвѣ; какъ въ своихъ flosas, Letrillas, своихъ романсахъ и сонетахъ, онъ достигаетъ роскоши красокъ и граціи въ рисункѣ, составляющаго характеристическія черты его поэзіи. Тифае его народная произведенія, мы сразу чувствуемъ, что это за поэма, съ которой онъ долженъ бы былъ никогда не сходитъ, сюда на которой онъ со своими необыкновенными способностями легко могъ достигнуть неувядающей славы, но къ сожалѣнію Лопе де Вега чужо уклонился въ другую сторону, и это

не потому, чтобы онъ былъ безусловнымъ сторонникомъ нововведеній Гюскана и Гарсильясо, ибо въ своей Фило-
софии онъ весьма бразилически заботился, что свои,
ли несчастными подразнаніями правды, а они
нанесли ущербъ испанскому народному гению,¹⁾ а
потому, что модная мизерабурная теорія гасро сбивала
его съ истиннаго пути, хотя и не могли вполне под-
чинить себя его великій талантъ. Взор почему въ нас,
съ произведеній нашего поэта довольно много
несуъ на себя отпечатокъ національнаго касио,
скаго генія. Правда, чтобы обвинить посредственые ценители
и необыкновенную популярноеъ этого поэта, мы должи-
мы признать въ разсужд другую сторону его творчества,
именно его драмы. Наступившія призваніемъ его была
драма, которая подняла его такъ высоко во мнѣніи
современниковъ и сохраняеть и въ его до сихъ поръ въ
закомъ блескъ. Въ драмѣ онъ съ такой же готовностью
проникаеть народнымъ духомъ, съ какой въ другихъ
произведеніяхъ издѣлалъ его, и достигаетъ такой высо-
ты, какой онъ никогда не могъ бы достигнуть иначе
путемъ.

Драма Лопе де Вега.

Несомненно, что Лопе нашель театръ въ удобномъ
созданіи и драматическое искусство на низкой сте-
пени развитія. Въ своей модной дидактической

¹⁾ Philomena, Segunda Parte, Obras Sueltas, Tom. II, p. 458.

познать *Arte nuevo de hacer Comedias* (Новое искусство писать драмы, 1609 г.), впервые изданной лишь в одиночку литературным салоном в Мадриде, она выразилась вполне ясно:

„El capitán Virues, insigne ingenio,
Puso en tres actos la Comedia, que antes
Andaba en quatro, como pies de niño etc.

„Славный капитан Вирюес первый придал зрель-актучю форму театральным пьесамъ, козорь до него ходили на пезверенская, какъ драги. Комедии до сего-что возунили тогда въ дотужий возрастъ. Между одикъ, надцати и двотнадцати годами я писалъ ихъ не мало, каждую въ пезвере акта, но мезу на акта. Въ проше, жуждалъ же мезду зрелья актами сравили на сцену зри лаленскія мезермедии.“

Дракарическая карьера Л. де Велл повидимому началась еще во время его ссылки; жалъ отъ въ извощной сценети подготовился къ ожидавшей его болъе обширной популярности. Она провель часу своего изгнанія въ Валенсию, а въ Валенсии театр существовалъ съ давнихъ поръ. Къ сожалѣнню, изъ первыхъ драматическихъ опытовъ Лопе де Велл сохранилось весьма немного. Она начала съ зкловъ и дидактическихъ предзавлений — морализе, религиозное направление и зотъ козорьихъ спискали ему зу ферминость со зуро.

ны церкви, без которой трудно было въ земь-индусъ
целью въ Меморин и писателъ былъ бы скоро осужденъ,
мень на либерализмъ помирить. Одна изъ такихъ
эпохъ помъщеня, какъ мы уже знаемъ, въ „Аркадii“,
въ ея французскй книгъ. Мъсколко подобныя на драму
попадаются и въ другия ея сочиненiя; отъ вѣсь ре-
лигознаго характера. Загъмъ двѣ самыя раннiя, болъе
правильныя драмы принадлежать къ пастушескому
роду сочиненiй. Это намъ уже извѣстныя пьесы El ovej,
dadero Amante (Възвращенiе Любвица) и La pastoral
de Jacinto (Пасторалъ Хасинто).

Далъе мы находимъ безавленимы въ разныя
его болъшия сочиненiя пьесы назидательнаго содержа-
нiя и аллегорическаго характера, изъ которыхъ нѣко-
горыя написаны съ болъшимъ талантомъ и несовершенны,
но были играны на сценѣ. Пьесе такихъ моралистъ
помъщеня въ „Пилигримъ“ (El Peregrino en su Pa-
tria — Сэрантикъ по своему собуветному Озересуви). Одна
изъ зрѣль пьесъ, Спасенiе геловъка (La Salvacion del
hombre) была играна на подмоскахъ у фронтона Са-
рагосскаго содора и представляеть собою любовный
обращенiе испанскiхъ моралистъ, ибо въ ней содержитсяъ
свидѣнiе объ участи церкви въ ея представленiи, а
заключается она, какъ и подобаетъ религиозной драмы,
описанiемъ возношенiя св. Даровъ. 1)

1) Она наполняетъ собою около половины сэрантикъ въ французскй
книгъ повъзи „Пилигримъ“.

Вторая мораль, под заглавием *el viaje del alma*
 («Созраствование души») была представлена на публич-
 ной площади в Барселонте. Она открывается романсом,
 который поэтское зрелище выводит из рук, поэтское слово,
 есть пролог, неисполненный зрелищной утраты,
 поэтское слово романса, под звуки которого актера зам,
 цовали «с большими искусством и грацией». За филь-
 м вводится слово самая мораль (auto moral) или
 «назидательное зрелище». Входящая душа, все в деле
 (как обыкновенно изображали душу). Вместе с нею
 является муза, представляющая Человеческое Добро, и
 красивый юноша, изображающий Падшего. Юноша убогий,
 дает душу образится на путь спасения, а муза сра-
 жая отклоняет ее от этого благого намерения. В эту
 критическую минуту является Дьявол в виде капитана
 галы корабля, одетый в черный костюм и окруженный,
 най пламенем, его сопровождают Самолюбие, Жадность
 и другие пороки, в виде мажорсов, и убогий душу
 мучится с ними в плавание, весело подготавливая:
Oy la Nave del deleute Сегодня корабль наслаждения
Se quiere hacer á la mar, — Оуправляется в открытое море.
Ay quien se quiere embarcar? Кто желает ступить на него?
Oy la Nave del contento Сегодня корабль удовольствия
Con viento en popa de gusto При попутном ветре с радостью
Donde jamas ay disgusto, Оуправляется в страну, где нет ни пресыщения,
Penitencia, ni tormento, Ни раскаяния, ни скорби;

Viendo que ay riesgo de viento, Сегодня, окривлевый понуждены ^{выбраться}
 Se quiere hacer a la mar. Лезуть они въ открытое море.

Ay quien se quiere embarcar? Кто хочет плыть на море?!

Целью сэрвангования назмачены новый свѣтъ. Вотъ спрашивается: гошь ли, козоровъ открылъ недавно Колумъ. Бошь? На это Дьяволь оубъваеуь уклонливо, и уубъраеуь, что они бошь оубъваеуь моряхъ, гошь Магелланъ или Дрэкъ и кто въшь своимъ пассажирамъ отъ гараньи, речеуь благополурное путешесуеуь. Памъуь говорюуь про, зивъ путешесуеуь, но, послать нѣсколькихъ возраженей, засыпаеуь, а Ризеуьдокъ, въ видѣ сѣдоборьдано сэрвца, при, ходиуь слишкомъ поздно. Они уже уеуькали. Пшьль не менше отъ критикуь ншь велшьдъ и шлеуь свои предосеуь, рещеней до зшьль поръ, пока на переръуь уубъваеуь кораблю не идеуь корабль Шокаднй съ кресолоуь вьсехъ магты, на козоровъ кормилъ самъ Спасиуьель, а маэро, сами — свьдъе мущи. Пслатьднй уубъваеуь Душу свьръ на ншь корабль и она, наконецъ, отплываеуь съ ними на корабль Шокаднй, при радосурныхъ кликахъ зри, зелей. Пшьль и оканчиваеуь меса. Она безавлеса въ первую часуь повьсри и ея полное заглавие: „Representacion moral del viage del Alma“ (Мравоучиуьельское представление сэрвангования Души).

Пшьрзъ меса подобнаго же назидателснаго ка, рактера содерошиуь въ себѣ пофорио блуднаго сына. Пшь,

субъекция лица здесь ^{в этой морализе} (между прочим): Зависец, Юноша, Раскаты и Добрый советъ и въ письме ея понологовъ безъотрадною облепленное въ гармоническую стихотворную форму переложение известной Горациевой ода: *Beatus ille*, вложенное въ уста содвинутника орада свиней, ко- зорое пасеть блудный скотъ. Въ длинномъ прологе однимъ изъ актеровъ даже названъ по имени, что доказываетъ, что и эта пьеса была играма. Безъ извѣстия, что она бы- ла представлена въ Пермскомъ, тогда еще въ испан- ской крепости, солдатами ея гарнизона.

Узвертая морализе, вставленная въ повѣсть или романъ „Пилигримъ“ (*El Peregrino en su Patria*), озагла- влена: „*Las bodas del Alma con el Amor divino*“ (Свадьба Души и Божественной Любви). Действующія лица въ ней: Миръ, Трехъ, Ферузалитъ и Петра, одѣвая — неиз- вѣстно, почему — въ костюмъ генералъ-капитана Испан- цин. Въ первой сценѣ явившаяся какъ бы выходящая изъ ада и изрыгающая пламя Зависецъ; а въ послѣдней мы видимъ Любовь приподнятую ко креслу и соеди- няющуюся брачными узами съ Человѣческой Душой, изображенной въ видѣ прекрасной дѣвушки. Предно, полагаю, что эта пьеса была представлена на одной изъ площадей Валенсии по случаю происшедшаго въ этомъ городѣ Блакосочеранія Филиппа III съ Маргаритой Австрій- ской. И нѣкоторые сцены, по этому случаю, должны по-

в этой пьесе
 казался намъ весьма кощунственнымъ. Такова напр.
 сцена придвизія, снабженной божественными атрибутами,
 замъ Маргариты Австрийской на галерею Рювра; сцена
 безумствъ Филиппа III въ Валенсiи представляема такъ,
 какъ будто бы вѣнцъ Филиппа воздвигъ въ Валенсiи
 самъ Иисусъ Христосъ; пророки, мученики и разныя,
 новыя чины небесной иерархiи замѣняютъ здесь председа,
 вителей высшего дворянства и духовенства, которые на
 самотѣ дѣлать фигурировали въ этой церемонiи. Лопе
 де Вега славится это перемѣщенiе въ болѣеую заслугу се-
 бя. Именно заимъ образомъ — говорить оны — его вели-
 кество король Филиппъ воздвигъ въ Валенсiю. Мы не
 извѣстие, что самъ авторъ воздвигъ въ этой пьесѣ въ
 роли мифа (gracioso) подъ именемъ Велатдо, однимъ
 изъ поэтическихъ псевдонимовъ Лопе де Вега.

Таковы были первые опыты, которыми Л. де Вега
 началъ свою драматическую карьеру во время своей
 ссылки въ Валенсiю и въ первые годы своего пребыванiя
 въ Мадридѣ. Они, конечно, еще довольно слабы, по-
 стройка ихъ довольно неуклюжа, гурьба въ нихъ весьма
 малая, но временами грубоваха, но они едва-ли чуж-
 дають въ этомъ отношенiи современныя аллегориче-
 скыя миссериаль Англии и Францiи и далеко превос-
 ходять эти послѣднiя въ общемъ тонѣ и стилѣ. Въ
 Мадридѣ Л. де Вега, правда, не воздвигъ болѣеихъ пре,

предсвѣтъ для своихъ драматическихъ реформъ, но зато не безрыбиль и большого содѣйствія. Къ его услугамъ находились два плохихъ театра, приспособленные для представленія фарсовъ, да поспешенно развивающійся въ народѣ вкусъ къ сценическому. Но и этого было до, болшио для такого таланта какъ Л. де Вега. Ценки его были бисеры и рюмачевы; его популярности неодолимая. Мы уже слышали, что Сервантесъ называлъ его monstruo de naturaleza (чудовище природы).

Много, однако, прошло лѣтъ, прежде чѣмъ онъ издалъ первый томъ своихъ пьесъ, которыми приводилъ въ порядокъ публику Мадрида и окончательнѣе опредѣлялъ формы національной испанской драмы. Но тогдашнимъ поидриемъ, каковыя мы встрѣчаемъ напр. и въ Англии, театральная пьеса спускалась несомнѣнно приличными для обнародованія посредствомъ пьези. Авторы, отдавъ свои пьесы на сцену, держали отъяковенно на нихъ право, если не въполнѣ, то на сродско, что, безъ согласія актеровъ, не могъ нѣтъ напечатать. Пьези, Множество драмъ Л. де Веги было представлено на сценѣ, прежде чѣмъ подвиглось въ пьези. И до сихъ поръ не напечатана и гвержда гасъ того, что написалъ онъ. Уме одно количество пьесъ этого автора было предсвѣтъ къ изданію полнаго нѣхъ собранія, покуда что самый умверенный степъ нѣхъ касется

баснословности. Къ 1603 году онъ насчитывалъ три, съ сорокъ одно заглавіе своихъ драмъ. Черезъ шесть лѣтъ (въ 1609г.), по его же словамъ, число это возрасло до четырехсотъ восьмидесяти зреть; въ 1618 г. онъ уже считалъ ихъ до восьмисотъ, въ 1619 — до девятисотъ, а въ 1624 — до тысячи семидесяти. Въ 1635 г., послѣ смерти поэта, другъ его и панегиристъ Теренс де Монпансьонъ, объявилъ, что Л. де Вега написалъ всего за всю жизнь тысячъ пять и четверть трагедій (autos) или духовныхъ драмъ. Это свидѣтельство подтверждаютъ и другіе со-временники знаменитаго драматурга.

Иногда драмы Л. де Вега въ зрѣніи законны драматургическаго искусства, но приходямы къ убѣжденію, что онъ, захвативъ театр въ грубую софистику, оказалъ съ оубытки преобразование его на основаніи какой-нибудь предвзятой теоріи или древнихъ и новыхъ образцовъ и поставилъ своего цѣльска идти на верную вкусамъ современной ему театралной публики. Эту цѣль онъ ^{всегда} ясно высказалъ въ своемъ Искусствѣ со-чиненія драмы (Nuevo Arte de Hacer comedias) и въ дру-гихъ произведеніяхъ. Нѣтъ признаковъ, чтобъ онъ раз-дѣлялъ свои драмы на разряды. Въ изданіяхъ ихъ сборникахъ незаметно никакой попытки ихъ сор-тировки или фехническаго раздѣленія. Къ концу нѣкоторыхъ драмъ прибавлено нѣсколько фарсовъ или

интермедий (*entremeses*) въ прозѣ. За исключеніемъ
 эрмъ немногихъ ^{прозаическихъ} послѣсловій или приложений,
 въ драмѣ Л. де Велли ^{на} писаны стихами и по сѣрѣ обихе
 названіе *comedias* — слово, которое должно переводиться
 не словомъ комедій, но словомъ драмы, потому что
 эрмско эрмъ эрмическомъ можно выразить разнообразіе
 иль содержанія. Каждая изъ драмъ раздѣлена на
 эрмъ *jornadas* или *акта*. Въ эрмѣ одной онъ сохранил,
 по сѣ правилносу; во вѣстьхъ другихъ отъ отношенія онъ
 разнообразна до безконечности. Содержаніе иль эрмъ гл.
 богачишій эрмедіи переходить къ самому веселому фар-
 су, и эрмъ самыхъ высокихъ эрмъ религіи (религіоз-
 ная мисеріи) — къ самымъ скабрѣзнымъ сценамъ объ-
 денной жизни; а слово иль заключаетъ въ себѣ все
 разнообразіе жона и мѣра, свойственное стихотворному
 языку Испаніи. Во всей эрмѣ разнообразной части
 драмъ Л. де Велли одинъ родъ неуловимо переходить
 въ другой; различные элементы слагаются между собою;
 свѣтское и духовное, трагическое и комическое, геро-
 ическое и бульварное перемѣшиваются другъ съ другомъ.

Метрики испанской литературы, между ними имен-
 но Шикпоръ, дѣлаетъ драмы (*comedias*) Лопе де Велли
 на четыре класса: 1) комедіи плача и мнати,
 2) героическія или историческія драмы, 3) драмы изъ
 обденной жизни и 4) драмы духовныя (*autos*).

Ad 1. *Comedia mlaца и шпани.*

Comedias de cara y esrada.

Этотъ классъ или разрядъ есть драма, сообразно, или сообразное изображение Л. де Вегги, — классъ или мадрильскій любимый и до снхъ поръ популярный, или въ Испаніи. Названіе ето произошло оттого, что главный действующій миза захитъ драмъ при падленіи къ всему одицелу, носившему на, воинской покрову, мизъ млаца и шпани. Основной мизъ зхитъ comedias — любовь и ухаживаніе за дама, ми. Интрига или оулигария запущанности, при чьей мертко въ параллелъ съ главной интригой, етъ даи, сущность господъ, разбивается другая, подобная, слуща, мизъ пародіей первой, етъ играеть въ любовь ланки и горничной.

Заглавія зхитъ мизъ оулигария заманиваются, или на эффектъ и мертко замечивались изъ сфаринныхъ ривнованныхъ пословицъ, очень популярныхъ въ Испаніи и иногда вичивались автору и саквой сюжетъ мизы. Заглавія драмъ мертко пощому писались разнородны сфаринныхъ романсовъ, а если вьривались въ саквой мизы, то обыкновенно въ концъ. Также напр. мизы „El Ameto de Toledo“ оканчиваются сльдующимъ двустишиемъ: Que con este se da fin Al Ameto de Toledo.

Калдеронъ и другіе драматурги держались того же обы-
чая. Объемъ драмы этого рода обыкновенно равнялся
длине обыкновенныхъ французскихъ пьесъ; каждая
изъ нихъ делилась на три акта (jornadas); каждый актъ
актѣвъ, по мнѣнію Л. де Вегги, долженъ былъ обнимать
пространство времени не больше одного дня (сезида
и jornadas). Хотя онъ ~~редко~~ ^{редко} исполнялъ утвержденный
~~его авторитарный законъ~~ самъ не всегда слѣдовала
своимъ предписаніямъ. Названіе комедіи, какъ уже
сказано, къ нимъ не подходило, поэтому что они
наполнены поединками и убійствами; но негдѣ
назвалъ ихъ и трагедіями, поэтому что, кромѣ обыкно-
веннаго окова, они содержатъ, по большей части,
изъ попорискистскихъ выходовъ и сантиментальныхъ
диалоговъ, а дѣйствіе ихъ преимущественно зависитъ
отъ судьбы романтическихъ любовниковъ, пылающихъ
самою пламенною страстью, или отъ низкихъ души,
которая все обращаетъ въ шутку. Все это было новою
на испанской сценѣ и если отдѣльные элементы
этихъ нововведеній появлялись со временемъ Торреса
Наварро, то соединеніе ихъ, равно какъ и законъ, права
и костюмы, были дѣломъ ^{Л. де} Вегги.

Итакъ, пьеса Лопе написана итальянско-со-
фическимъ, громаднымъ коллиествомъ. Это богатырь, свободный
и въ высшей степени изобретательный гений какъ негдѣ

Большее сообразуясь с законами сатиры, и во многих из них найдешь обнаруженную истинно-драматическую талантливость. Менее всего заглавия их были бы излишне, даже невозможно, я представляю характер, физиономию и вообще нравственность драмы плащевидной и испанской (comedias de capa y espada).

Из самых ранних, для сцены написанных пьесамъ Лопе де Вега, принадлежит Мадридская Срамъ (de Arzelo de Madrid). Заглавие это взято изъ приговора, вынесеннаго для медикамента, которое въ то время было въ ходу. Содержание пьесы состоитъ въ томъ, что юная легкомысленная дѣвушка обманываетъ своего отца, а особенно свою старую ханжину-тетку, приготавливая болтушку и глотая срамные порошки, приготавливаемые ей докторомъ, другомъ ея любовника. Медикъ, между прочимъ, прописываетъ ей оудаленный прокурки и всякаго рода свяжскія развлечения, которое доставляютъ ей удобные случаи выдаться безъ помехи съ обозначеннымъ. Герои драмы, Лисардо, и его другъ, Рисело, сторожатъ дверь мадридской церкви, которую посещала преимущественно знаетъ, что увидитъ при выходе изъ одиодни, которая скоро должна кончиться, дѣвучку, въ которую Лисардо влюбленъ. Топта проходя мимо нихъ, они соску, гонимы долгимъ ожиданиемъ конца объяди и Рисело наконецъ объявляетъ, что не хочетъ бытше утомлять

себя ради фразизм своего друга. Въ эту минуту явилъ.
 еря Белуса, героиня драмы, въ сопровожденіи своей
 резки, Теодора, одѣтой въ самое мрачное монашеское
 платье и не переставоющей выказъ насупленія своей тл.
 двѣдницѣ:

„Будь умнѣе и скромнѣе: умнѣе — не ходи такъ
 скоро, а скромнѣе — сморри только въ землю, куда сду-
 нилъ ногой.

Белуса. Я такъ и дѣлала, какъ вы говорите.

Теодора. Глядя на этого музыканта?

Белуса. Развѣ вы не сказали ^{вы} мнѣ, чтобъ я сморрала только
 на землю? а развѣ этотъ музыкантъ не изъ земли?

Теодора. Я говорила о землѣ, по которой мнѣ ходить.

Белуса. Та, по которой я хожу, покрыва молью платье,
 ель и гобкой.

Теодора. Приседало ли двѣдницѣ говорить какія вещи!
 Ради наивности своей мажери, оставь свои хурроси. Развѣ
 сейчасъ же на него взглянула взоромъ развѣ.

Белуса. Я?

Теодора. Да же, какъ не ждѣ, дѣлаешь ему знаки?

Белуса. Я чужд не чпала оъ вашихъ вопросовъ и
 отвѣтовъ и сморри, кто поддержишь меча.

Рисело. Она падаеть! поддержи ее!

Лисардо. Извините, ^{сдаваться} сеньора, что я осмѣлился пред,
 лозннзе вавъ того руку.

Теодора. Виданы ли подобная волнороссы?

Белиса. Благодарю васъ, синьора: безъ васъ я бы узнала.

Лисардо. Также узналъ да ангель, синьора; какъ узнали бы звезды, блистающія солнечною свѣтлою.

Теодора. Я зову мою знаешь. Прощайте, милосудивый государь! съ Богомъ!

Лисардо. Прощайте, Боже съ вами, да и сохранишь отъ меня отъ какой брѣзги. (Всходьдетъ).

Теодора. Прекрасно узнала. Надюсь, ^{здесь} вы добволста, что отъ подалъ жеть руку.

Белиса. И вы зовуе добволста, по тому что у васъ есть теперь предлогъ мѣнить цѣлую недѣлю.

Теодора. Какъ вы обернулась назадъ?

Белиса. Развѣ вы не находите благодарственьныхъ вѣдь, мѣрь на то того, где я гуръ не узнала, что въ не споз, кочуется жаль въ другой разъ?

Теодора. Что въ жеть не было радостной насхи! Я по, нимаго въ звыи шизрости. Ну что, вы и теперь скажете, что не смогрѣла на этого молодого человека?

Белиса. Разумѣется, нѣтъ.

Теодора. Ты сознаешься?

Белиса. Отъ подалъ мить руку, а вы хорите, что въ я не подблагодарила?

Теодора. Ну, суждай домой.

Белиса. О сколько распекавѣи предехушь мить!

Другой мюса так же острочинны, полны жизни и каефилскаго характера. Сюета въ началѣ 2-го акта между Окавбио, другимъ обожателемъ Белисы и его слугу, козорый подслѣивался надъ сраеуго своего госнодина, и слѣдующая за тѣмъ сцена между ними и мнимымъ докторомъ, ^{исполкомъ} не менше поразительна по своей художественности и жизненной правдѣ и должно были произвести сильной эффектъ на надридскую публику, козорая утверждала, какъ оны формы современными правами.

Вся пьеса полна жизни, движенія и веселости и движенъ такой истинной, такой жизненной правдой, какую рѣдко можно встрѣтить на сценѣ. Вся эти качества обнаруживаются уже въ самомъ ^{въ} началѣ, козорое представляеть собой типический образчикъ свойственнаго Лопе де Веги умѣнья одними рѣшимительными движеніемъ сравить своихъ зрителей въ самый разгаръ драматической и показывать имъ сразу характеры, козорые оны намъ ренъ рисовать.

Молсеръ заимствовалъ многое изъ этой пьесы для своей комедіи „Medicin malgré lui“ (Врачъ по неволѣ), и хотя оригинальности Молсерова гениа не подлезимъ сомнѣнію, однако же сластливѣйшимъ мюса его пьесы не что иное, какъ подражаніе нѣкозорымъ частямъ драмы Лопе де Веги, и испанецъ не разъ осмѣлиеть

далеко позади себя француза. Так, напр., характеры героини обрисованы в испанской пьесе гораздо лучше, чем в во французской, а характеру Фезки и Хани, который играет роль дуэнта при своей племяннице, писатель обнаруживает все свое лирическое, когда влюбляется сама. Мольеру нечего было завидовать, потому что эгоизм характеров до того исключительности испанский, что перенести его на французскую, с теми или иными условными придворскими приливами сцену, не было возможности.

Лопе де Вега не был только народным, но и придворным поэтом-драматургом. Между тем как сейчас нами разсмотренная пьеса, дошедшая до нас в виде молодого абзаца, имела в виду народную аудиторию, то другая его пьеса, не менее сильная, не менее кичливая и вычурная, но написанная Лопе де Вегой в старости, предназначалась для представления при дворе. Это — La noche de san Juan en Madrid (Ночь св. Иоанна в Мадриде). Драма эта была заказана герцогом Оливаресом для великодушного праздника, который он как губернатор был дан королем в саду из своих мадридских садов в июнь 1631 года накануне дня св. Иоанна. Разговорчивый фаворит не щадил никаких издержек, чтобы угодить своему благосклонному повелителю. Маркиз Хуан